ПРАВОСЛАВНАЯ ЖИЗНЬ

Orthodox Life

Ежемѣсячное приложеніе къ журналу

„Православная Русь".

10

ОКТЯБРЬ. **1957** OCTOBER.

Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y.
U. S. A.

Entered as second-class matter at the post office at Jordanville, New York

LIBRARY of the
PATRIARCH ATHENAGORAS
ORTHODOX INSTITUTE
at the GRADUATE

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Слово, приснопамятнаго архіеп. Симона, начальника Духовной Миссіи въ Китаѣ. 3
Великое проявленіе милости Господней къ Царской Семьѣ. Памяти чуда въ Боркахъ. Анны Анановой. 5
Травникъ Пахомъ. Лидіи Кабеляцкой. 7

Отдѣлъ юношескій и дѣтскій.

Страданія св. мученицы Харитины. 14
Страданія св. мученика Уара и память блаженной Клеопатры и сына ея Іоанна. 16
Страданіе св. славнаго великомученика Димитрія. М. В. 20

Училище благочестія.

Приснопамятнаго епископа Игнатія Брянчанинова. Восемь главныхъ страстей съ ихъ подраздѣленіями и отраслями. 27
О добродѣтеляхъ, противоположныхъ осьми главнымъ грѣховнымъ страстямъ. 30
Дневный апостолъ 1-го Февраля 1840 года. 33
Размышленіе о вѣрѣ. 33
Садъ во время зимы. 35

«ЦЕРКОВЬ БОГА ЖИВАГО, СТОЛПЪ И УТВЕРЖДЕНІЕ ИСТИНЫ». (1 Тим. III, 15).

«Собесѣдованіе съ баптистами». Въ формѣ доступной и убѣдительной раскрывается безпомощность ухищреній словесныхъ, которыми обычно прикрывается ложь пропаганды, уловляющая сердца вѣрныхъ, недостаточно твердыхъ въ своемъ исповѣданіи Вѣры. Являясь весьма полезнымъ руководствомъ для тѣхъ, кто призванъ бороться словомъ съ сектантами, книжечка эта можетъ быть дана въ руки каждаго, и можно быть увѣреннымъ, что, разъ начавъ ее читать, не оставитъ ее никто, не ознакомившись съ ней до конца.

Цѣна назначена удешевленная — 30 центовъ. Для приходовъ, выписывающихъ не меньше десяти экземпляровъ, дѣлается скидка въ 50%.

СЛОВО,

ПРИСНОПАМЯТНАГО АРХІЕП, СИМОНА, НАЧАЛЬНИКА ДУХОВНОЙ МИССІИ ВЪ КИТАѢ.

6/19 октября 1930 г.

Евангельское чтеніе нынѣшняго дня говоритъ о милосердіи. «Будьте милосерды, какъ и Отецъ вашъ милосердъ», сказалъ Господь (Лук. **6.** 36). Чего же требуетъ отъ насъ эта заповѣдь Господня? — «Любите враговъ вашихъ,» говоритъ Господь, «благотворите, и взаймы давайте не ожидая ничего» (Лук. **6.** 35).

Мы съ благоговѣніемъ выслушиваемъ слова Господни о любви къ врагамъ и принимаемъ ихъ, какъ обязательную заповѣдь. И это легко тому, у кого нѣтъ враговъ, кого любятъ, кому никто не причиняетъ вреда и обиды. «И грѣшники любящихъ ихъ любятъ». Но какъ любить враговъ, когда они дѣйствительно есть? Какъ создать доброе расположеніе къ ненавидящимъ насъ и озлобленнымъ на насъ, когда мысли и чувства непримиримо вооружаются противъ нихъ? — Ни родство, ни дружба, ни даже окружающія опасности не въ состояніи остановить потокъ злобныхъ помысловъ, когда онъ поднялся въ умѣ, и угасить пламя и гнѣва, и раздраженія, когда оно возгорѣлось въ сердцѣ. А вотъ заповѣдь Господня «будьте милосерды, какъ и Отецъ вашъ милосердъ» — сильна сдѣлать это, и кто воистину милосердъ, тотъ любитъ и враговъ.

Побѣждаетъ эта заповѣдь Господня и силу сребролюбія и корысти. «Если дѣлаете добро тѣмъ, которые вамъ дѣлаютъ добро», говоритъ Господь, «какая вамъ за то благодарность? Ибо и грѣшники даютъ взаймы грѣшникамъ, чтобы получить обратно столько же». Весь міръ живетъ взаимнымъ обмѣномъ товарами и деньгами: люди охотно ввѣряютъ другъ другу большія богатства, но при условіи, что надѣются получить прибыль. И гдѣ прибыль надежно обезпечена, тамъ единодушіе, дружба и взаимная поддержка, а когда опасаются убытка, тогда забываютъ и дружбу, и родство, дѣлаются другъ къ другу безсердными. Только хранящіе

заповѣдь о милосердіи благотворятъ и взаймы даютъ не ожидая ничего (Лук. **6.** 33-35).

Итакъ, кто къ явнымъ недоброжелателямъ и врагамъ относится дружелюбно, терпя и прощая наносимыя ими непріятности и обиды, кто благотворитъ и взаймы даетъ, не ожидая возвращенія даннаго, того мы называемъ милосердымъ. Однако не всякій, оказывающій знаки расположенія къ врагамъ и недоброжелателямъ и не всякій безкорыстно благотворящій нуждающимся есть разумный пополнитель заповѣди Господней о милосердіи.

Разумно исполнять какое либо дѣло значитъ исполнять съ правильнымъ и яснымъ разумѣніемъ его цѣли. «Будьте милосерды какъ и Отецъ вашъ милосердъ», сказалъ Господь. Подражаніе Богу, уподобленіе Ему — вотъ цѣль исполненія заповѣди о милосердіи — по смыслу этихъ словъ Господа. Такимъ образомъ, разумно исполняютъ заповѣдь и милосердіи только тотъ, кто оказываетъ знаки любви врагамъ, благотворитъ и охотно даетъ взаймы просящимъ и другое подобное сему дѣлаетъ по страху Божію, ради послушанія воли Божіей, отсѣкая тщеславныя побужденія и всякія житейскія соображенія, какъ напримѣръ о пользѣ, о предотвращеніи опасности и тому подобное.

«Тремя образами», какъ говоритъ Василій Великій, «можемъ мы дѣлать доброе: или дѣлаемъ доброе, боясь мученій, и тогда мы находимся въ степени раба, или для того, чтобы получить награду — и тогда мы находимся въ степени наемника, или дѣлаемъ доброе дѣло ради самого добра — и тогда мы находимся на степени сына: ибо сынъ исполняетъ волю отца не изъ страха и не потому, что хочетъ получить отъ него награду, но желая угодить ему, почтить и успокоиться». Такъ и дѣла милосердія мы должны дѣлать «сострадая другъ другу, какъ своимъ членамъ, и такъ угождать другимъ, какъ бы мы сами принимали отъ нихъ услуги, подавать такъ, будто бы мы сами получаемъ. И вотъ сіе то и есть разумная милостыня. Такъ приходимъ мы въ степень сына». (Изъ 14-го поуч. Аввы Дорофея).

Милостыня, т. е. дѣло благотворительности, у насъ въ большомъ почетѣ. Обстоятельства окружающей насъ жизни настойчиво выдвигаютъ это дѣло, и многіе съ искреннимъ усердіемъ предаются ему, а прочіе, если и не имѣютъ усердія, по крайней мѣрѣ стыдятся уклониться отъ участія въ немъ. Но избави насъ Господи творить милостыню ради себя, а не по заповѣди Господней. Заповѣдь же, какъ мы сказали, повелѣваетъ благотворить ближнимъ не по какимъ либо житейскимъ расчетамъ или не по тщеславнымъ побужденіямъ, а ради того, чтобы явиться сынами Всевышняго, (Лук. **6.** 35), т.е. исполняющими Его волю по благоговѣнію предъ Нимъ, по готовности подражать Его милосердію.

Если же кто, творя милостыню, примѣшиваетъ къ этому дѣлу какія нибудь постороннія побужденія, то онъ есть неразумный и несовершенный исполнитель предпринятаго дѣла: ибо онъ не устоитъ въ немъ и оставитъ его недодѣланнымъ, лишь только увидитъ, что не достигаются тѣ постороннія цѣли, какія онъ примѣшалъ къ дѣлу благотворительности. А разумно творитъ милостыню тотъ, кто творитъ ее для того, чтобы пріобрѣсти милостивое сердце, чтобы научиться состраданію, и онъ, что бы ни случилось, не оставитъ своего дѣла, ибо цѣль, которую онъ имѣетъ въ виду, не иначе можетъ быть достигнута, какъ только твореніемъ дѣлъ милосердія.

Вотъ почему, чтобы разумно исполнить заповѣдь Господню о милосердіи, нужно любить и враговъ, нужно благотворить и взаймы давать не ожидая ничего, ибо если будемъ любить только любящихъ насъ, а къ врагамъ питать ненависть, то не пріобрѣтемъ милостиваго сердца, и если будемъ благотворить и взаймы давать надѣясь чрезъ то что нибудь получить для себя, то не научимся состраданію — и не будемъ сынами Всевышняго, такъ какъ сынамъ свойственно исполнять волю отца безкорыстно и совершенно.

Да дастъ же намъ Господь благодать и всякое дѣло, согласное съ Его волей, совершать разумно, т. е. съ яснымъ сознаніемъ своего долга все дѣлать во славу Божію, чтобы быть образомъ Божіимъ по красотѣ добродѣтелей, и прежде всего — по милосердію, ибо этою добродѣтелью человѣкъ преимущественно уподобляется Богу.

Великое проявленіе милости Господней къ Царской Семьѣ.

ПАМЯТИ ЧУДА ВЪ БОРКАХЪ.

Русь святая, гдѣ ты, отзовись! Въ памяти встаютъ многія скорбныя даты. Сколькихъ святыхъ мучениковъ и великомучениковъ создало 40-лѣтнее лихолѣтіе. По молитвамъ и заступничеству этихъ святыхъ мучениковъ земли Русской, да возстанетъ Святая Русь!

Лучъ милости Господней изъ давнихъ лѣтъ свѣтитъ намъ утѣшеніемъ. Древніе Пиѳагорійцы, дабы замѣтить первыми лучъ восходящаго солнца, обращали взоръ свой вспять, на вершины горъ, и замѣчали первый лучъ солнца, золотящій горныя вершины. Такъ и намъ на исходѣ нашего 40-лѣтняго испытанія надо обратить взоръ въ прошлое.

Великая близится дата, 17 октября 1888 года. Чудеснымъ было спасеніе Императорской семьи при катастрофѣ въ Боркахъ. Императоръ Александръ

III со своей семьей ѣхалъ въ поѣздѣ, и въ пути на 277-й верстѣ, между станціями Тарановка и Борки, когда поѣздъ проходилъ черезъ глубокую балку, произошло ужасное крушеніе. Государь съ семьей въ моментъ взрыва находился въ вагонѣ-столовой. Завтракъ приходилъ къ концу, когда почувствовали страшное по силѣ сотрясеніе. Катастрофа имѣла три момента. Два толчка, а затѣмъ, не прошло и секунды, какъ стѣна вагона стала разлетаться вдребезги. Вотъ что передаетъ выходившая въ то время газета «Гражданинъ»: Послѣ перваго толчка послѣдовала остановка. Вторымъ толчкомъ, силою инерціи, былъ выбитъ низъ вагона. Всѣ упали на насыпь. Затѣмъ послѣдовалъ третій моментъ, самый ужасный: стѣны вагона отдѣлились отъ крыши и начали падать во-внутрь. По произволенію Господню падающія стѣны встрѣтились и образовали крышу, на которую свалилась крыша вагона: вагонъ-столовая обратился въ приплюснутую массу. Весь ходъ колесъ отброшенъ далеко въ сторону и разбился на мельчайшія части. Крыша, затѣмъ свернутая и откинутая въ сторону, открыла жалкіе остатки вагона. Подъ обломками, казалось, была погребена Царская Семья. Но Господь явилъ великое чудо. Царь, Царица и Августѣйшіе дѣти были сохранены для отечества чудомъ Всевышняго. Крыша навалилась на нихъ косо, разсказываетъ очевидецъ Зичи, который находился въ вагонѣ. «Между стѣной вагона и крышей было отверстіе, черезъ которое я и вошелъ. За мной вошла графиня Кутузова. Государыня Императрица была вынута изъ окошка вагона. У Государя Императора оказался сплющеннымъ серебряный портсигаръ, съ правой стороны въ карманѣ». По словамъ очевидца, мѣсто катастрофы представляло ужасную картину. Вагонъ-кухня слетѣлъ подъ откосъ. Крыша другого, министерскаго, вагона, снесена къ озеру. Первые четыре вагона представляли собой груду щепокъ, песка и желѣза. Локомотивъ, неповрежденный, стоялъ на пути, но заднія колеса врылись въ землю, сойдя съ рельсъ. Второй локомотивъ врылся въ песокъ насыпи. У Государя при видѣ картины крушенія навернулись на глаза слезы. Мало по малу, вокругъ Государя стала группироваться свита и всѣ оставшіеся въ живыхъ. Единственными свидѣтелям крушенія были оцѣпенѣлые отъ ужаса солдаты Пензенскаго пѣхотнаго полка ,стоявшіе въ цѣпи въ этой мѣстности. Увидавъ, что нѣтъ никакой возможности оказать помощь пострадавшимъ силами и средствами разбитаго поѣзда, Государь приказалъ солдатамъ стрѣлять. Началась тревога. По всей линіи сбѣжались солдаты; съ ними оказался врачъ Пензенскаго полка; появились перевязочныя средства, хотя и въ скудномъ количествѣ.

Была слякоть, шелъ мелкій, холодный дождь съ изморозью. Государыня была въ одномъ платьѣ, сильно пострадавшемъ въ моментъ катастрофы. Подъ руками не нашлось ничего, чѣмъ-бы прикрыть государыню отъ холода, и на плечи государыни накинули офицерское польто. Въ первый моментъ многіе изъ находившихся на мѣстѣ генераловъ, желая оказать посильное содѣйствіе, дѣлали каждый свои распоряженія, но это только тормозило общій ходъ работъ по оказанію помощи. Видя это, государь взялъ на себя распоряженіе оказанія помощи.

По прошествіи 69-ти лѣтъ, вспоминая это исключительное проявленіе милости Господней къ Царской Семьѣ, вѣришь, что милость Господня безконечна и неисчерпаема. По вѣрѣ нашей, по силѣ молитвъ вѣрующихъ, да грядетъ милость и къ намъ.

Анна Ананова.

Травникъ Пахомъ.

Встрѣча съ травникомъ Пахомомъ сильно запечатлѣлась въ моей памяти. Мои родители жили тогда въ селѣ Сермаксы (Олонецкой губерніи) гдѣ мой отецъ командовалъ отрядомъ пограничной стражи.

Желая доставить друзьямъ удовольствіе поохотиться на дикихъ утокъ, онъ захотѣлъ заранѣе осмотрѣть побережье рѣки Свири и намѣтить удобныя мѣста. Мама и мы, дѣти, очень любили прогулки на катерѣ по Свири — и вся семья поѣхала съ нимъ. Не были забыты и самоваръ и корзины съ припасами для обѣденнаго привала.

Было раннее осеннее утро, когда нашъ большой бѣлый катеръ подъ дружными взмахами веселъ солдатъ-гребцовъ плавно и быстро поплылъ, скользя по залитой золотистыми лучами восходящаго солнца рѣкѣ.

На кормѣ у руля сидѣлъ отецъ. Рядомъ съ нимъ четырехлѣтній шалунъ Петя, какъ бы участвуя въ управленіи катеромъ, держалъ въ рукахъ конецъ якорной цѣпи, смотря на насъ — сестеръ съ гордымъ видомъ.

Мама, я и сестра Женя, сидя на средней скамейкѣ наблюдали, какъ мы удалялись отъ бѣлой съ синими куполами церкви, отъ высокой съ золотымъ крестомъ колокольни, отъ избъ, отъ березовой рощи. Потянулись поля со снопами сжатой ржи и луга, гдѣ еще бродилъ ночного выгона скотъ . . .

Вскорѣ, однако берега Свири стали холмистыми и крутыми, и на нихъ раскинулись дремучіе хвойные лѣса, зеленой могучей стѣной спускаясь до самой рѣки . . .

Надъ нами сіяла глубокая, особенно свѣтлая, какъ бываетъ только на сѣверѣ, лазурь безоблачнаго неба . . . И была такая тишина въ свѣжемъ, слегка влажномъ воздухѣ, напоенномъ запахомъ смолы и ароматомъ хвои.

Нашъ бѣлый катеръ скользилъ и скользилъ по спокойной Свири. Брызги стекавшей съ его веселъ воды сверкали на солнцѣ. А мы не отрывали глазъ отъ красоты побережья.

Но вотъ лѣса кончились. На крутыхъ обрывахъ песчаныхъ холмовъ, кое гдѣ, словно часовые на стражѣ, возвышались силуэты одинокихъ сосенъ. А дальше, насколько можно было видѣть, разстилался однообразный

унылый ландшафтъ: покрытое кочками болото, а по плоскимъ низкимъ берегамъ вдающійся далеко въ рѣку густой камышъ...

— На этомъ пригоркѣ сдѣлаемъ привалъ, сказалъ отецъ, направляя катеръ на песчаную отмель, на которой лежалъ стволъ какого-то дерева. — Великолѣпное мѣсто для охоты! Это то, что я искалъ.

Осторожно, держась другъ за друга мы, дѣти, пробрались по стволу до росшихъ внизу обрыва колючихъ кустарниковъ и, цѣпляясь за ихъ вѣтви, взобрались на пригорокъ...

Размявъ немного ноги, мы чинно усѣлись, въ ожиданіи чая и вкусныхъ вещей, подъ гостепріимную тѣнь большой сосны.

Деньщикъ Иванъ принесъ корзину съ провизіей и самоваръ. Гребцы, вытащивъ катеръ на берегъ, поднялись на пригорокъ и расположились отдохнуть на зеленомъ мху, у опушки лѣса, не забывъ при этомъ свои сумки съ ѣдой.

Набравъ шишекъ и наломавъ хворостъ, деньщикъ Иванъ сбѣгалъ съ ведромъ за водой и наливъ ее въ самоваръ разжегъ его... Изъ трубы потянуло легкимъ, пріятнымъ дымкомъ...

Но самоваръ не успѣлъ закипѣть, какъ порывъ сильнаго вѣтра заколыхалъ вершину сосны... за нимъ другой...

— Что это значитъ? сказала, вставая, мама. — Посмотри, Вася, на небѣ ни облачка, солнце свѣтитъ такъ ярко...

— Это бываетъ въ этихъ мѣстахъ... налетитъ порывъ вѣтра, и такъ же внезапно утихнетъ... Не безпокойся, родная... Иванъ, если самоваръ закипѣлъ, завари чай.

Но деньщикъ не смогъ исполнить желаніе отца. Въ одинъ мигъ была подхвачена скатерть и все, что стояло на ней, перевернуто и сметено...

Чтобы спастись отъ ужаснаго вихря и облаковъ слѣпившей глаза пыли, мы поспѣшили скрыться въ лѣсъ, подъ защиту раскидистыхъ вѣтвей двухъ росшихъ рядомъ елей... Надъ нашими головами, нагибая и раскачивая ихъ крѣпкіе стволы, бушевала буря... Съ сухимъ, зловѣщимъ трескомъ, летѣли во всѣ стороны сучья, вѣтви, шишки...

На лѣсной прогалинѣ заскрипѣвъ упала вывороченная съ корнемъ береза...

Дрожа отъ страха, мы прижались къ мамѣ, которая, обнявъ насъ, старалась успокоить обѣщаніями, что буря скоро пройдетъ...

— Чего бояться?... Мы всѣ вмѣстѣ и папа съ нами. А надо молиться, чтобы Пресвятая Богородица спасла насъ отъ бѣды и несчастья...

Мы, крестясь, стали шептать слова молитвъ...

Буря, все усиливаясь, перешла въ сильнѣйшій штормъ...

А между тѣмъ лазурно голубое небо сіяло золотистыми лучами солнца... и на немъ по прежнему не было ни одного облачка...

Старшій изъ гребцовъ доложилъ, что волны разбушевавшейся Свири начали заливать отмель. Катеръ пришлось подтащить къ выступу обрыва и прикрѣпить цѣпью къ стволу березы.

— Что намъ дѣлать?, волновалась мама. Вокругъ — лѣса, пустыри, болота. Ни избы, ни сарая, гдѣ мы смогли-бы укрыться... Ночь въ лѣсу? Въ такой вихрь! Возвращаться домой — немыслимо... Опасно...

— Что дѣлать?!

— Остается только положиться на волю Божью... и молиться...

— Мамочка! Мамочка! вдругъ вскрикнула Женя, собака лаетъ!!

— Тебѣ послышалось, Женичка, это вой вѣтра...

— Нѣтъ, нѣтъ, мамочка, ясно слышу.

Всѣ стали прислушиваться... Дѣйствительно, въ промежуткахъ между порывами вѣтра, мы теперь ясно всѣ слышали отдаленный лай.

— Быть можетъ, на наше счастье въ лѣсу живетъ сторожъ.. Мы могли бы тогда переждать бурю въ его домикѣ. Вася, скажи солдатамъ осмотрѣть лѣсъ.

— Сомнѣваюсь, чтобы кто-нибудь могъ жить въ такой глуши... среди такихъ болотъ... отвѣтилъ отецъ. Все-же онъ велѣлъ солдатамъ сдѣлать развѣдку. Мы остались сидѣть подъ вѣтвями ели. Градомъ летѣли шишки, колючая хвоя, валились сломаные сучья и клочки сухого мха. Ожиданіе было мучительно долгимъ... Шалунъ Петя и тотъ присмирѣлъ. Придерживая ручонками матросскую фуражку, онъ широко открытыми глазами смотрѣлъ на группу высокихъ елей въ надеждѣ увидѣть возвращающихся солдатъ...

Огненно-красное солнце медленно спускалось къ закату. Темно-фіолетовыя тѣни стали окутывать лѣсъ. Деревья скрипѣли, трещали, гнулись. Многія валились, сломанныя, на мохъ... Вдругъ изъ-за зарослей кустовъ можевельника выскочила большая лохматая собака. Виляя хвостомъ, она подбѣжала къ намъ... Мы, дѣти, замерли отъ страха... — Это волкъ .. это волкъ! прошептала, закрывъ глаза Женя. Онъ съѣстъ насъ...

Отецъ, подойдя къ собакѣ, погладилъ ее. Она лизнула ему руку и стала еще сильнѣе вилять хвостомъ...

— Не бойтесь, дѣти, она добрая, сказалъ онъ намъ.

Вернулись и солдаты въ сопровожденіи высокого, худого старика, одѣтаго въ сермяжные штаны и бѣлую, до колѣнъ, рубаху... Сколько лѣтъ пронеслось съ тѣхъ поръ, сколько въ моей жизни я встрѣчала и видѣла замѣчательныхъ лицъ, но ни одно изъ нихъ не оставило въ моей памяти такого впечатлѣнія, какъ лицо этого старика... Оно буквально врѣзалось въ нее! Можетъ быть, тому способствовала обстановка его появленія.

Лучи заходящаго солнца бросали пурпурно-огненные блестки на его длинные, сѣдые, развѣваемые вихремъ волосы и бороду и дѣлали ихъ подобными вспыхивающему пламени... Въ рукѣ онъ держалъ, похожую на посохъ, большую крючковатую палку. Въ его свѣтло-голубыхъ, почти безцвѣтныхъ глазахъ, отражалось зарево заката... Въ моемъ дѣтскомъ воображеніи онъ былъ похожъ на библейскаго пророка.. Собака съ радостнымъ лаемъ бросилась къ нему.

— Ну, будетъ, Мохнатка, чаво разошлась... Господскихъ дѣтокъ спужаешь...

— Ваше благородіе, вѣтерокъ-то разгулялся — деревья такъ и валитъ... Съ годовъ будетъ съ двадцать какъ таковато въ нашихъ краяхъ не дуло — не гуляло-то... Съ Ладоги, съ озера такъ несетъ ево... Воду таку нагонитъ въ рѣкѣ-то, — што до сосенъ, поди, дойдетъ — затопить...

— Вставай-ко, барынька-то, обратился онъ къ мамѣ, забирай-ко дѣтокъ, да и айда поскорѣе до темени-то... до избы-то моей полверсты съ гакомъ... Добраться-то до нее теперича трудненько буде... въ таку-то хвиль — вишь пыль-то мететъ въ зеньки... Но ты, барынька, не бойсь — съ пути не собьемся... песъ-то дорогу къ избѣ нюхомъ чуетъ...

— А, ты, Ваше благородіе, своимъ служивымъ лодку-то вели вотъ къ той соснѣ-то подтащить... и цѣпью къ ней приторочить... Эфто не къ тому, что ее-то спереть задумалъ-бы недобрый человѣкъ... а къ тому, што въ такой-то вѣтрило воду-то на рѣкѣ-то подыметъ... и лодку-то вашу можетъ загнать ни-вѣсть куда...

Наступили уже сумерки, когда мы добрели до избы старика. Крыльцо было завалено кучей лѣсного мусора. Солдаты и старикъ руками отгребли эту кучу, чтобы имѣть возможность проникнуть въ избу.

Изъ темныхъ низкихъ сѣней старикъ ввелъ насъ въ просторную жилую горницу, черезъ узкія и маленькія оконца которой едва проникали золотистыя тѣни наступающаго вечера.

— Ну-ка, гости мои незванные, присаживайтесь-ко на скамейки-то... отдышитесь маленько-то ... Я кваску холодненькаго съ погребца принесу кувшинчикъ... А ты, барынька, видишь тамочко въ углу ведро, такъ водицей-то зеньки ребятокъ ополосни... пыль-то лѣсную смой... Вотъ тебѣ рушникъ — оботрешь имъ опосля... Здѣся же въ кувшинѣ водица-то питьевая... напой ребятокъ-то — вотъ кружка...

Пока мама, слѣдуя наставленіямъ старика, мыла наши лица и руки и поила насъ водой, старикъ, съ помощью солдатъ принесъ мѣшки съ сѣномъ.

— Ну теперича, барчата, ложитесь-ко спать... устамши поди... сѣнцо-то душистое...

Мы, дѣти, легли на пахнувшіе такъ пріятно мѣшки и почти моментально заснули крѣпкимъ, несмотря на ревъ бури, безмятежнымъ сномъ...

Была глубокая ночь, когда я внезапно очнулась отъ сна. Спросонья я не могла понять, гдѣ я и что произошло... Почему мы лежимъ на жесткихъ мѣшкахъ въ незнакомой полутемной комнатѣ, а не въ своихъ уютныхъ кроваткахъ въ нашей дѣтской?...

Приподнявшись я, съ сильно бьющимся отъ волненія сердцемъ, оглядѣлась вокругъ...

Въ углу на мѣшкѣ спала мама... Отецъ сидѣлъ на скамейкѣ передъ столомъ, на которомъ стояли кувшинъ и кружка и лежало нѣсколько кусковъ хлѣба. Онъ тихо разговаривалъ съ сѣдымъ длиннобородымъ старикомъ... Взглянувъ на старика, я вспомнила все. Невольно я стала прислушиваться къ разговору...

— Какъ ты можешь жить одинъ въ такой глуши?

— Я бобыль, Ваше благородіе, бобыль... одинъ какъ перстъ на свѣтѣ Божьемъ... Всю жисть прожилъ бобылемъ... Пахомомъ я называюсь. Травы и корни цѣлительные отъ недуговъ-болѣстей, отъ немощи людской собираю... Травникъ, значитъ, я... И завсегда на людяхъ... Сколько тропъ протоптано къ избѣ моей за корнями да за травками людомъ-то крестьянскимъ...

— Теперича хоть и устарѣлъ я... и трудненько бываетъ нагинаться мнѣ-то... но глазъ-то еще не слѣпъ, очинно хорошо распознать можетъ...

— А собирать — кажинную травку надоть знать, и не запамятствовать какую въ како времячко — што-бъ силу цѣлительную она отъ солнца имѣла-бы въ положенный для нее срокъ... Одну при разцвѣтѣ, другу когда зернышки въ ней назрѣли... одну въ полдень, другу въ полночь... одну при восходѣ солнца, а другу при заходѣ... И все съ молитвою, во имя Божіе... А ростуть всѣ эфти травы-то по разнымъ мѣстамъ: одна въ лѣсной чащѣ... другая у придорожной стороны... одна у камня... а иная въ чистомъ полѣ... Какъ какую гдѣ Господь благословитъ... А вотъ та, што разрывъ-травой зовется — такъ она въ нашихъ краяхъ черезъ болотную топь листья то свои пущаетъ... а рвать ее надоть, когда громъ гремитъ и молніи на небѣ полыхаютъ... Настой-то отъ эфтой травки очень помогаетъ при душевныхъ напастяхъ и горѣ... И много люда разнаго ко мнѣ старику за ней обращаются... Всяко вѣдь въ жизни случается...

Пахомъ замолчалъ... Онъ вытеръ вспотѣвшее лицо ручникомъ и истово перекрестился. Облокотясь на столъ, онъ дотронулся пальцемъ до плеча отца и тихо сказалъ ему:

— Хочешь, Ваше благородіе, пока твои почиваютъ, я покажу тебѣ чуланчикъ-то мой, гдѣ всѣ травки и корешки у меня берегутся...

Мой отецъ легкимъ наклоненіемъ головы выразилъ согласіе.

Пахомъ взялъ со стола огарокъ свѣчи и, подойдя къ узкой двери въ правой стѣнѣ горницы, отворилъ ее. Затаивъ дыханіе, я поднялась съ мѣшка и какъ была, босикомъ, на цыпочкахъ пробѣжала къ двери и, прислонясь къ ея косяку, заглянула въ чуланъ... Слабое колеблющееся пламя огарка бросало неровныя перебѣгающія полосы свѣта на стѣны, увѣшанныя разныхъ размѣровъ холщевыми мѣшечками и пучками сухихъ травъ.

— Здѣся, услышала я тихій, доходящій до шопота, голосъ старика, на эфтихъ стѣнахъ съ полсотни травъ-то цѣлительныхъ и корешковъ собрано... и надоть въ память крѣпко держать, кака на что пригодна — на каку людскую болѣсть и немощь.

— Старъ я — а въ головѣ равно, какъ на бумагѣ, все записано... Отъ родителей видно эфто. Испоконъ вѣка у насъ въ родѣ-то травники... на всю Олонецкую округу народъ-то зналъ о нихъ... И я уродился — въ нихъ-то... А люда-то бредетъ изъ деревень и селъ за травами-то... Фелшера-то... а особливо дохтура... въ больницы-то земскія любятъ народъ на койки класть... а какъ туды попадешь — скоро не выберешься... А настоемъ-то въ избѣ полѣчиться можноть... и хозяйство кресть-

янско-то пестовать сподручнѣе. Но вотъ часъ мой пробьетъ и я преставлюсь ко Господу — некому будетъ травокъ-то и собирать... Послѣдній въ роду-то я, бобыль, значитъ — одиночка... Какъ почувствую кончину-то свою — всѣ эфти туточка собранныя травки, да коренья сожгу... Не дай Богъ, кто апосля меня задумаетъ пользовать ими не вѣдуя какая изъ нихъ-то нужна для чаво, — бѣды натворить сможетъ...

— Смотри-ко, Ваше благородіе, дѣвонька-то твоя быстроглазая, у косяка прижавшись стоитъ...

— Я... я... я — папочка, смущенно залепетала я.

— Иди тотъ-часъ-же спать, приказалъ мнѣ отецъ.

— Оставь дѣвоньку-то, Ваше благородіе, знать антересъ у нея-то къ травкамъ. Давеча, когда я тебѣ сказывалъ о нихъ — я учуялъ, што дѣвонька не спитъ, а слушаетъ.

Мы всѣ вышли изъ чулана, дверь въ который плотно закрылъ за собою старикъ.

— Ну, теперича, Ваше благородіе, почивать ложись. Утречкомъ угомонится вѣтрило, Богъ дастъ.

Старикъ ушелъ въ свою каморку. Отецъ подвелъ меня къ моему мѣшку, а самъ легъ рядомъ на другой. Буря не проходила... Ея порывы били въ крышу, въ оконца, въ стѣны избы. Казалось, вотъ-вотъ она рухнетъ...

Передъ моими глазами стояло библейское лицо травника Пахомія... Его длинные сѣдые волосы развѣвались по вѣтру... Пучки ярко-зеленыхъ травъ сплетались гирляндами вокругъ его головы... Легкій прозрачный туманъ заслонилъ мое сознаніе, и я уснула...

Проснулась я рано... Едва-едва въ узкія оконца горницы проникалъ розоватый свѣтъ зари... Старикъ уже стоялъ у стола и наливалъ изъ кипящаго самовара кипятокъ въ кружки. На деревянной доскѣ лежало нѣсколько ломтей ржаного хлѣба. Около нихъ стояла небольшая миска съ патокой.

Промочите-ко горла горячей водицей съ патокой... а затѣмъ и въ путь дороженьку. Буря-то утихла... Служивые, Ваше благородіе, напоены и накормлены, чемъ Богъ послалъ... Они и дворъ мой пообчистили — молодцы ребята.

Скоро мы оставили избу гостепріимнаго травника Пахома и пошли, сопровождаемые имъ, въ обратный путь...

Въ лѣсу, послѣ рева бури, царило теперь какое-то жуткое, вызвавшее у меня невольную дрожь, безмолвіе. Мертвая тишина.

Утреннее солнце бросало золотистые блики на черныя ямы, изъ которыхъ торчали длинные, толстые извилистые корни вывороченныхъ и поваленыхъ на землю вѣковыхъ лѣсныхъ гигантовъ. Оно освѣщало, сквозь вѣтви устоявшихъ и уцѣлѣвшихъ отъ напора порывовъ урагана сосенъ и елей, печальную картину разгрома и опустошенія.

Но вотъ лѣсъ сталъ оживать. Чирикали монотонно и жалобно какія-то маленькія сѣрыя птички. Беззаботныя бѣлочки весело перепрыгивали съ

одного дерева на другое, цѣпляясь за печально повисшія сломаныя вѣтви . . . На большую старую сосну, у которой вихрь надломилъ вершину, прилетѣлъ красно-грудый дятелъ и сталъ упорно долбить ея кору — точно оповѣщая гулко раздававшимся въ царившей тишинѣ стукомъ, что опасность прошла . . .

Было очень трудно, даже при помощи солдатъ, пробираться по лѣснымъ тропамъ, черезъ кучи хвороста, шишекъ, хвои, листьевъ, черезъ груды сломаныхъ вѣтокъ.

Наконецъ, трудный путь былъ конченъ . . .

Передъ нами блеснула, залитая лучами солнца, рѣка — бурныя волны которой доходили теперь больше чѣмъ до половины обрыва.

Съ катеромъ все обстояло благополучно, но солдатамъ пришлось выкачивать изъ него воду.

Отецъ пожалъ руку травнику Пахому. Поблагодаривъ его за помощь и радушіе, онъ протянулъ ему денежное вознагражденіе за причиненное безпокойство. Старикъ категорически отказался.

— Ну, што-ты, Ваше Благородіе, развѣ я не православный? И не живу, какъ писано въ Евангеліи? А ты бы мнѣ не помогъ, ежели со мной приключилась напасть и бѣда?

— Ну и шустрая-же ты, быстроглазая дѣвонька, сказалъ мнѣ онъ съ ласковой улыбкой. Родителямъ-то твоимъ приструнивать тебя придется . . .

Скоро нашъ катеръ, покачиваясь, быстро занырялъ по бѣлымъ барашкамъ волнъ Свири къ селу Сермаксы.

Лидія Кабеляцкая.

ОТДѢЛЪ ЮНОШЕСКІЙ И ДѢТСКІЙ.

Страданія св. мученицы Харитины.

5-го октября.

Одинъ благородный и богатый человѣкъ по имени Клавдій взялъ себѣ на воспитаніе сироту по имени Харитина. Онъ полюбилъ ее, каъ родную дочь. Было за что ее любить. Была она кротка, смиренна, послушна, молчалива, разумна и красива. Возлюбила она Господа всѣмъ своимъ чистымъ сердцемъ и стала рабою Христовою и Невѣстою Его. Когда она выросла, господинъ ея выстроилъ ей домикъ въ уединенномъ мѣстѣ. Св. Харитина жила въ немъ одна и день и ночь поучалась въ законѣ Господнемъ. Молода была святая, но премудра. Къ ней приходили за поученіемъ не только христіане, но и язычники, которымъ она проповѣдывала вѣру Христову. Въ это время нечестивый царь Діоклитіанъ преслѣдовалъ и мучилъ христіанъ. О св. дѣвѣ донесли начальнику Доминіану. Начальникъ написалъ ея господину, чтобы онъ тотчасъ же послалъ къ нему св. Харитину. Клавдій прочитавъ письмо тяжко заскорбѣлъ, одѣлся въ рубище и заплакалъ. Онъ зналъ, что не смѣетъ ослушаться начальника. Когда воины пришли, чтобы взять его пріемную дочь, его утѣшеніе, радость его - онъ не былъ въ силахъ отпустить ее. Онъ сопротивлялся воинамъ. Воины грубо вырывали изъ рукъ его кроткую, тихую дѣву, но онъ крѣпко держалъ свое сокровище, вѣдь онъ былъ для нея словно отецъ родной, отъ него отнимали, уводили на смерть дитя, которое онъ воспиталъ, выростилъ, которое любилъ, какъ свое родное. Святая

же стала его тихо уговаривать, чтобы онъ не печалился, чтобы отпустилъ ее умереть за Христа. Воины со злобою вырвали св. мученицу изъ рукъ Клавдія, словно лютые волки вырвали беззащитную овцу, и отвели ее къ начальнику. Клавдій со слезами провожалъ на муки Христову невѣсту. Плача, онъ говорилъ: «Помолись за меня Царю Небесному, когда предстанешь предъ Нимъ въ числѣ другихъ святыхъ мученицъ».

Когда св. Харитину привели къ начальнику, онъ ее спросилъ: «Правда -ли, что ты христіанка и многихъ учишь вашей вѣрѣ?» Св. дѣва смѣло ему отвѣтила: «Да, правда. Я христіанка и учу вѣрѣ Христовой». Начальникъ за такой смѣлый отвѣтъ велѣлъ безпощадно бить святую, потомъ онъ приказалъ надѣть ей на шею желѣзное ярмо. Какъ скотину повели ее къ консулару, къ судьѣ неправедному. Судья прежде всего показалъ ей орудія пытокъ и сталъ уговаривать, чтобы она пожалѣла себя, поклонилась богамъ. Иначе ее будутъ пытать орудіями. Святая перекрестилась и сказала: «Ты меня не уговоришь, я хочу пострадать за Христа. А я тебѣ совѣтую увѣровать въ Единаго Господа и больше не поклоняться бездушнымъ богамъ». Судья въ ярости велѣлъ остричь ея прекрасные волосы. Святая безропотно, словно овца, преклонила свою голову, когда ее стригли и молчаливо, въ сердцѣ своемъ, бесѣдовала съ Небеснымъ Женихомъ Своимъ, и просила помочь ей перенести ожидающія ее муки. Какъ только упали на землю ея прекрасные волосы, на глазахъ всѣхъ людей у нея тотчасъ же выросли новые, еще лучше, еще длиннѣе. Судья не уразумѣлъ Божьяго чуда. Онъ еще больше разгнѣвался и повелѣлъ принести горящіе угли. Онъ сталъ посыпать святую главу мученицы. А на опаленное, обожженное тѣло приказалъ лить уксусъ. Святая терпѣла лютыя муки и только тихо молилась. И Господь облегчилъ ей жестокія страданія. Мучитель повелѣлъ горящими свѣчами опалять ей ребра, жечь грудь раскаленнымъ желѣзомъ. Св. Харитина, горя любовью ко Господу, не чувствовала ,какъ ее опалялъ огонь. Ея сердце и уста восхваляли Господа. Наконецъ, мучитель повелѣлъ потопить святую въ морѣ. Слуги повели ее къ морю. По дорогѣ мученица радостно благодарила Господа за всѣ страданія. На берегу ей привязали большой камень на шею и бросили въ морскую глубину. Но камень, по воли Божіей, тотчасъ же отвязался и упалъ на дно. Святая же, укрѣпляемая рукою Божіей, встала на поверхности моря и пошла по водамъ. какъ по твердому камню. Она спокойно вышла на берегъ, встала предъ судьею и сказала ему: «Видишь силу Христа моего — увѣруй въ Него». Судья, увидѣвъ это великое чудо Божіе, не могъ слова проронить оъ удивленія. Но, безумный, и тутъ не увѣровалъ онъ въ Господа. Придя въ себя онъ сказалъ: «Это — волшебница, потому она и вышла живою изъ моря». Онъ пове-

лѣлъ взять ее и нагую привязать къ колесу, подъ которымъ были вбиты острыя желѣзныя орудія, ножи, мечи, и еще была насыпана груда горящаго угля. Онъ повелѣлъ крутить колесо съ привязанной къ нему святой, такъ, чтобы острыя орудія рѣзали ея тѣло, а угли его опаляли. Но какъ только слуги начали такъ мучить святую — колесо вдругъ стало неподвижнымъ, руки мучителей безсильно опустились, горящіе угли погасли. Святая осталась невредимой: Ангелъ Божій сохранилъ Христову невѣсту. Судья, въ еще большей ярости, приказалъ вырвать ей ногти на ногахъ и рукахъ, выбить ей зубы. Святая терпѣла радостно эти нечеловѣческія страданія. Пока мучитель придумывалъ еще злѣйшія муки, святая подняла руки, устремила ввысь свой свѣтлый взоръ и тихо молилась. Такъ въ молитвѣ отлетѣла ея чистая, какъ голубица, прекрасная душа. Судья приказалъ ея тѣло положить въ мѣшокъ, наполненный пескомъ, и бросить на дно морское. Черезъ три дня заволновалось море, заходили большія волны и выбросили нетлѣнное тѣло святой на берегъ. Клавдій, который воспиталъ ее вмѣсто дочери, взялъ ея многострадальное тѣло и, плача и радуясь, похоронилъ святую мученицу, славя Христа Спасителя, рожденнаго отъ Пречистой Дѣвы. Ему же и отъ насъ да будетъ честь и слава во вѣки. Аминь.

Страданія св. мученика Уара и память блаженной Клеопатры и сына ея Іоанна.

19 октября.

Въ царствованіе Максиміана, нечестиваго царя Римскаго, жилъ въ Египтѣ храбрый воинъ Уаръ. Онъ сначала былъ тайнымъ христіаниномъ. Въ то время Максиміанъ гналъ христіанъ. Онъ повелѣлъ умерщвлять всѣхъ христіанъ, которые не захотятъ принести жертву богамъ. Этотъ приказъ дошелъ до Египта, и безпощадно полилась христіанская кровь.

Уаръ, тайный христіанинъ, ночью обходилъ темницы, гдѣ мучились христіане, давая золото сторожамъ темничнымъ, чтобы его допускали до узниковъ. Онъ цѣловалъ оковы св. мучениковъ, омывалъ кровь ихъ, перевязывалъ раны, кормилъ ихъ. Однажды князь египетскій бросилъ въ темницу семь учителей христіанскихъ. Св. Уаръ пришелъ ночью въ темницу посѣтить ихъ. Какъ всегда, чтобы проникнуть къ нимъ, далъ онъ золото сторожамъ. Уаръ снялъ оковы со святыхъ мучениковъ, поставилъ передъ ними пищу и умолялъ ихъ, чтобы они вкусили, т. к. имъ 8 дней не давали ѣсть. Онъ припалъ къ ногамъ св. мучениковъ, цѣловалъ ихъ и

восхвалялъ ихъ страданія. Онъ просилъ, чтобы они въ Царствіи Небесномъ помолились за него. Мученики Христовы отвѣчали ему: «Иди и ты, братъ, путемъ мученическимъ, пострадай съ нами вмѣстѣ.

Крѣпко запали въ сердце его эти слова св. мучениковъ. Онъ провелъ съ ними цѣлую ночь и съ радостью слушалъ рѣчи ихъ. Утромъ пришли княжескіе слуги, чтобы вести ихъ на судъ. Они увидѣли Уара и стали ему выговаривать, чтобы онъ остерегался говорить съ христіанами — иначе князь не только лишитъ его воинскаго чина, но и убьетъ его. «А кто-же донесетъ на меня князю? Вы же мои друзья!. Но я готовъ умереть съ христіанами за Христа». Безстрашно отвѣтилъ такъ Уаръ, и слуги замолчали. Они увели съ собою шесть мучениковъ, а седьмой, изнемогшій отъ ранъ, остался. Онъ вскорѣ скончался и отошелъ ко Христу.

Когда предъ княземъ предстали шесть мучениковъ Христовыхъ, онъ повелѣлъ имъ принести жертву богамъ. Когда они отказались, онъ приказалъ ихъ жестоко избить. Вдругъ князь замѣтилъ, что нѣтъ седьмого мученика, онъ спросилъ: «А гдѣ же седьмой»? Тутъ предъ княземъ предсталъ св. Уаръ. Смѣлый и рѣшительный, горя желаніемъ умереть за Господа, онъ воскликнулъ! «Я — седьмой. Я хочу пострадать за Христа! Я — христіанинъ».

Князь спросилъ: «Кто это?» Отвѣчали ему: «Уаръ воинъ — начальникъ отряда». Князь удивился и спросилъ Уара: «Кто тебя научилъ предать себя на явную гибель, терять свою воинскую честь, всѣ награды, всѣ почести».

— Моя честь — пострадать за Христа, ради Него всего лишиться. Для меня жизнь — умереть за Христа.

Князь злобно взглянулъ на христіанскихъ учителей и сказалъ: «Это вы прельстили такого хорошаго царскаго воина? За это, клянусь, вы погибнете раньше него». «Не мы прельстили Уара» — отвѣчали мученики — «а Господь далъ ему смѣлость на подвигъ. Подожди, ты увидишь его мужество: мы вѣдь присоединили его къ воинству ангельскому. Ты хвалишься, что насъ погубишь, а намъ только то и надо, чтобы сложить головы наши за Христа».

— Я раздроблю ваши тѣла, если вы сейчасъ не поклонитесь богамъ — вскричалъ мучитель.

Блаженный Уаръ заступился за своихъ учителей и смѣло сказалъ гордому князю, чтобы онъ не говорилъ такія безумныя рѣчи святымъ мученикамъ. Князь тогда весь свой гнѣвъ обратилъ на святаго Уара. Онъ повелѣлъ его раздѣть до нага, повѣсить на древо и безпощадно бить палками. Скребли, раздирали ребра его желѣзными ногтями, рѣзали бритвами тѣло его. Такъ били по чреву суковатой дубиной, что у страдальца выпадали внутренности.

Учителя, видя его муки, плакали отъ жалости. «А, вы испугались мукъ и потому плачете», обрадовавшись, воскликнулъ князь.

«Звѣрь, а не человѣкъ» — отвѣчали ему учителя, — «не мукъ мы боимся, терпѣть которыя намъ поможетъ Господь, а мы плачемъ отъ любви къ брату нашему во Христѣ».

Князь приказалъ отвести ихъ въ темницу. Св. Уаръ, вися на древѣ, увидѣлъ, какъ влекутъ св. мучениковъ въ темницу. Онъ воскликнулъ: «Учители мои, вручите меня Христу, я отхожу отъ тѣла. Благодарю васъ, что вы мнѣ указали путь въ вѣчную жизнь». Пять часовъ жестоко мучили еще св. Уара. Наконецъ, онъ предалъ свою прекрасную душу въ руки Божіи. Тѣло же его святое мучители выбросили за городъ на съѣденіе псамъ.

Одна вдова христіанка по имени Клеопатра, родомъ изъ Палестины, у которой былъ маленькій сынъ Іоаннъ, издали смотрѣла, какъ мучили св. Уара. Она отъ жалости била себя въ грудь. Ночью, съ нѣсколькими своими рабами, она пошла за городъ, розыскала многострадальное тѣло св. Уара и перенесла его въ домъ свой. Дома же похоронила она святыя мощи.

На слѣдующее утро князь вывелъ изъ темницы остальныхъ мучениковъ и послѣ многихъ страданій повелѣлъ ихъ усѣкнуть мечемъ. Тѣла ихъ тоже бросили за городъ, ночью тайные христіане унсли ихъ и погребли.

Клеопатра каждый день возжигала свѣчи и кадила надъ гробомъ св. Уара. А св. мученикъ на небѣ помогалъ вдовѣ своими молитвами. Св. Клеопатра была вдовою военачальника, умершаго въ Египтѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ Клеопатра задумала вернуться къ себѣ на родину. Она рѣшила увезти съ собой мощи св. мученика Уара. Она пошла съ дарами къ князю и сказала ему: «Мужъ мой былъ военачальникомъ и умеръ здѣсь на царской службѣ. Я уѣзжаю къ своимъ роднымъ. Разрѣши мнѣ увезти съ собою тѣло моего любимаго мужа». Князь взялъ отъ вдовы дары и исполнилъ ея просьбу. Клеопатра боялась, что христіане могутъ ей не позволить увезти съ собою мощи славнаго мученика. И такъ вмѣсто тѣла своего мужа, она привезла тайно въ Палестину мощи св. Уара и погребла близъ горы Ѳаворъ, среди умершихъ родственниковъ. Каждый день она приходила къ нему на могилу, кадила фиміамомъ и возжигала свѣчи. Многіе христіане, видя, какъ вдова почитаетъ святого, тоже стали приходить къ нему. Приносили они больныхъ и по молитвамъ св. Уара они получали исцѣленіе. Клеопатра, видя, какое множество христіанъ собирается на могилу Св. Уара, задумала создать храмъ во имя его. Сынъ ея Іоаннъ уже подросъ, и Клеопатра рѣшила послать его въ царское войско. Царь принялъ въ войско Іоанна и прислалъ ему красивый золотой поясъ, какъ будущему воину. Клеопатра дала себѣ слово до окончанія храма не посылать сына въ войско. Она хотѣла, чтобы сынъ ея Іоаннъ несъ вмѣстѣ съ нею мощи святаго. Когда храмъ былъ оконченъ, позвала Клеопатра епископовъ, священниковъ и иноковъ. Они взяли мощи св. мученика и положили на драгоцѣнныя

носилки. Поверхъ мощей вдова положила поясъ и военную одежду сына, чтобы освятить ихъ на мощахъ святого. Клеопатра горячо молила св. Уара, чтобы онъ былъ помощникомъ ея сына. Стеклось множество христіанъ, которые помогали переносить мощи въ церковь. Клеопатра съ сыномъ тоже несли святое тѣло.

Когда положили въ освященной церкви мощи св. угодника, Клеопатра пала ницъ и стала молиться такими словами: «Проси у Бога то, что Ему угодно, и то, что будетъ лучше для меня и для моего сына. Да будетъ надъ нами Его Святая Воля». Послѣ окончанія божественной службы она щедро угостила собравшійся народъ, прислуживая сама съ сыномъ своимъ. Она приказала сыну ничего не вкушать до вечера, пока они не накормятъ людей. Отрокъ, прислуживая гостямъ за обѣдомъ, вдругъ почувствовалъ себя больнымъ, пошелъ прилечь на свою кровать. Когда всѣ окончили обѣдать, Клеопатра стала звать сына, чтобы вмѣстѣ подкрѣпиться пищею. У Іоанна сдѣлался такой жаръ, что онъ и слова промолвить не могъ. Мать сказала: «Видитъ Богъ, я не буду ѣсть, пока не узнаю, что съ моимъ сыномъ будетъ». Она стала усердно ухаживать за отрокомъ своимъ. Сердце ея болѣло, изнывало, — словно предчувствовало въ какой опасности былъ ея сынъ единственный, горячо любимый. И сердце матери не обманулось: въ полночь умеръ отрокъ, отошелъ ко Господу, оставивъ на землѣ неутѣшную мать свою. Въ горѣ великомъ, рыдая, Клеопатра поспѣшила въ церковь св. Уара, припала къ его гробу и воскликнула: «Я столько для тебя трудилась, а ты отнялъ отъ меня надежду мою, свѣтъ очей, моего единственнаго сына. Кто будетъ заботиться обо мнѣ въ старости, кто похоронитъ меня? Лучше мнѣ умереть, чѣмъ видѣть мертвымъ юнаго сына, цвѣтокъ прежде времени увядшій. Или верни мнѣ сына, или и меня возьми. Не могу больше жить отъ печали».

Долго такъ плакала несчастная мать. Наконецъ изнемогла она и заснула. Во снѣ ей явился св. Уаръ. Онъ держалъ на рукахъ ея сына. Оба свѣтились словно солнце. Одежды ихъ были бѣлѣе снѣга. Они были опоясаны золотыми поясами. На ихъ головахъ сіяли вѣнцы красоты неизреченной. Блаженная Клеопатра, увидѣвъ ихъ, въ радости устремилась къ нимъ. Она поклонилась до земли.

Св. Уаръ поднялъ ее и сказалъ: «Зачѣмъ ты такъ плачешь, о, женщина! Я не забылъ все то добро, которое ты для меня сдѣлала. Ты думаешь, я не видѣлъ, какъ ты взяла изъ мусора мое тѣло, какъ дома сохраняла его, повезла въ Святую Землю, какъ похоронила среди твоихъ родственниковъ. Я всегда молюсь за тебя Господу, и не только о тебѣ, а и о родныхъ твоихъ. Я прежде всего вымолилъ у Господа прощеніе всѣхъ грѣховъ твоимъ роднымъ, среди которыхъ ты меня похоронила. А сына твоего я взялъ къ Царю Небесному, въ его воинство. Ты же сама просила лучшаго для сына и для тебя. Я и просилъ самаго лучшаго у Господа — при-

нять сына твоего въ Небесное Воинство. Знай, что сынъ твой предстоитъ теперь Престолу Божію. Хочешь, возьми его обратно, пошли къ царю земному и временному, если ты не хочешь, чтобы твой отрокъ служилъ Царю Небесному и Вѣчному».

Отрокъ, сидя на рукахъ св. Уара, крѣпко обнялъ его и сталъ просить: «Нѣтъ, нѣтъ, мой господинъ, не слушай моей матери, не отдавай меня въ міръ, полный зла и неправды, отъ котораго я избавился. Не оставляй меня, я хочу быть съ тобой и со святыми».

Онъ обратился и къ матери — съ такими словами: «О, мать, я вѣдь воинъ Христа Царя. Я съ Ангелами предстою Его престолу, а ты хочешь меня изъ Его Царства взять въ убожество!»

Блаженная Клеопатра, узнавъ, что сынъ ея въ Ангельскомъ чинѣ, воскликнула: «Возьмите и меня съ собою, я хочу быть съ вами». Св. Уаръ отвѣтилъ: «Мы возьмемъ тебя, когда намъ повелитъ Господь».

Съ послѣдними словами св. Уаръ съ отрокомъ стали невидимы. Блаженная пришла въ себя. Сердце ея исполнилось радости и веселія. Она разсказала священникамъ о своемъ видѣніи и при гробѣ св. Уара погребла и сына своего, уже не плача, а радуясь о Господѣ. Потомъ она все свое имущество раздала бѣднымъ и жила при церкви св. Уара, служа Богу постомъ и молитвою день и ночь. Каждое воскресенье, когда она молилась, ей являлся св. Уаръ съ сыномъ въ великой славѣ. Такъ прожила блаженная семь лѣтъ и, угодивши Богу, отошла къ Нему. Тѣло ея погребли въ церкви св. Уара, близь ея сына, святая же душа ея вмѣстѣ со св. Уаромъ и св. Іоанномъ на небесахъ въ веселіи предстоитъ Богу. Ему же слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Страданіе св. славнаго великомученика Димитрія.

26 октября.

Св. великомученикъ Димитрій родился въ городѣ Солуни (въ Греціи). Родители его были люди благородные и благочестивые. Отецъ его былъ воеводой города Солуни. Онъ былъ тайнымъ христіаниномъ, т. к. въ это время нечестивые цари гнали вѣрующихъ въ Господа нашего Іисуса Христа. У него въ домѣ была комната-церковь, гдѣ онъ съ женою молился. Тамъ онъ хранилъ святыя иконы, украшенныя золотомъ и драгоцѣнными камнями. Одна икона была изображеніемъ Господа Нашего Іисуса Христа, а другая — Божіей Матери. Онъ возжигалъ передъ иконами лампады

и кадилъ фиміамомъ (ладаномъ). Онъ и его жена были очень милостивы къ нищимъ. Не было у нихъ дѣтей, и они часто молились, чтобы Господь послалъ имъ дитя. Всевышній услышалъ ихъ молитву. Онъ далъ имъ дитя, блаженнаго св. Димитрія. Весь городъ радовался, когда родился св. Димитрій. Въ благодарность Богу воевода устроилъ угощеніе для нищихъ.

Когда св. Димитрій подросъ настолько, что уже могъ понять вѣру Христову, родители ввели его въ свою домашнюю церковь, показали ему святыя иконы и сказали: «Вотъ изображеніе Господа нашего Іисуса Христа, сотворившаго землю и небо, а вотъ изображеніе Божіей Матери». Родители научили вѣрѣ Христовой сына, и блаженное дитя съ усердіемъ и любовію поцѣловало святыя иконы. Родители тайно позвали священника и знакомыхъ христіанъ и крестили сына во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Съ каждымъ днемъ отрокъ становился разумнѣе. Съ каждымъ днемъ онъ больше и больше любилъ Господа. Когда онъ выросъ, родители его умерли — отошли ко Господу, оставили сыну все имущество: деньги, земли. Царь Максиміанъ, узнавъ о смерти воеводы, вызвалъ къ себѣ св. Димитрія и, зная его храбрость и разумъ, поставилъ его начальникомъ города Солуни. Царь повелѣлъ ему преслѣдовать и мучить христіанъ. Но святой, сдѣлавшись начальникомъ, сталъ проповѣдывать вѣру Христову и прославлять Господа. Объ этомъ узналъ царь Максиміанъ и очень разгнѣвался. Царь, возвращаясь съ своей войны, рѣшилъ заѣхать въ городъ Солунь, чтобы выяснить правда-ли, что новый начальникъ города оказался христіаниномъ. Блаженный же, узнавъ о намѣреніи царя, передалъ все свое имущество, земли, села, деньги вѣрному слугѣ своему Луппу и попросилъ роздать все нищимъ. Самъ же сталъ готовиться перенести муки за Господа Іисуса Христа. Царь, пріѣхалъ въ Солунъ, узналъ, что, дѣйствительно, сынъ воеводы проповѣдуетъ Христову вѣру. Онъ велѣлъ позвать къ себѣ блаженнаго.

Св. Димитрій, представъ предъ царемъ, смѣло сказалъ, что онъ христіанинъ. Царь повелѣлъ бросить его въ темницу. Святой въ мрачной тюрьмѣ сидѣлъ, словно въ свѣтломъ, прекрасномъ дворцѣ. Онъ воспѣвалъ день и ночь Господа. Діаволъ, позавидовавъ его терпѣнію, рѣшилъ напугать святого. Онъ превратился въ огромнаго скорпіона и хотѣлъ уже броситься на святаго, чтобы ужалить его въ ногу. Но Святой, понявъ хитрость врага, перекрестился и безстрашно наступилъ на скорпіона. Въ темницѣ Святого посѣтилъ Божій Ангелъ. Онъ явился, весь сіяющій, держа въ рукѣ прекрасный вѣнокъ.

Въ то время, какъ святой сидѣлъ въ темницѣ, царь развлекался театромъ и играми. У царя былъ необыкновенной силы

борецъ, по имени Лій. Царь для него сдѣлалъ высокій помостъ среди города. Подъ помостомъ было воткнуто въ землю множество копій. Лій, ради забавы царя, боролся съ людьми на этомъ помостѣ и, когда одерживалъ надъ ними побѣду, то сбрасывалъ ихъ внизъ, на острыя копья. Многихъ христіанъ онъ поразилъ на смерть. Грубому, дикому царю нравилось смотрѣть, какъ умирали люди, пронзенные острыми копьями. Въ городѣ жилъ одинъ юноша по имени Несторъ — христіанинъ, знакомый св. Димитрія. Онъ былъ очень храбрый и красивый. Св. Димитрій научилъ его вѣрѣ Христовой. Несторъ, видя сколькихъ уже христіанъ убилъ дикій Лій, рѣшилъ сразиться съ нимъ, чтобы съ Божіей помощью побѣдить его. Онъ поспѣшилъ къ Димитрію въ темницу, разсказалъ ему сколькихъ уже христіанъ убилъ Лій за сегодняшній день. «Помолись за меня, я рѣшилъ съ Божіей помощью побороть его». Св. Димитрій перекрестилъ своего друга, благословилъ его и сказалъ: «Лія ты побѣдишь и за Христа будешь замученъ». Несторъ попрощался со св. Димитріемъ и поспѣшилъ къ театру, гдѣ въ это время былъ царь. Онъ смѣло сказалъ ему: «Я хочу бороться съ Ліемъ». Царь посмотрѣлъ на его молодость и красоту и пожалѣлъ его. «Развѣ ты не знаешь, сколько уже людей побѣдилъ Лій, а ты и ростомъ не великъ и молодъ. Какъ же ты не боишься?» Несторъ отвѣтилъ царю: «хотя я и ростомъ малъ и не силенъ, но силенъ Господь Мой Іисусъ Христосъ, Который мнѣ поможетъ сразиться съ этимъ великаномъ». Царь узнавъ, что Несторъ христіанинъ - разгнѣвался, онъ повелѣлъ ему взойти на помостъ, думая, что Лій его сейчасъ же убьетъ. Св. Несторъ съ надеждою на Бога взошелъ на помостъ. На него, играя и скача, сталъ наступать великанъ. Св. Несторъ перекрестился и громко воскликнулъ: «Боже Димитріевъ, помоги мнѣ!» Борьба началась.

Дѣти, помните, какъ юный Давидъ боролся съ великаномъ Голіафомъ, закованнымъ въ крѣпкія брони, и силою Божіей побѣдилъ его? Такъ и юный Несторъ, съ именемъ Христа на устахъ, пронзилъ великана Лія точно птицу и сбросилъ его внизъ на острыя копья, гдѣ Лій тотчасъ же и скончался. Христіане, увидя гибель Лія, возблагодарили Господа, и весь народъ солунскій воскликнулъ: «Великъ Богъ Димитріевъ». Горевалъ одинъ нечестивый царь Максиміанъ, печалясь о своемъ любимомъ борцѣ Ліѣ, погубившемъ столькихъ христіанъ. Въ ярости онъ повелѣлъ казнить блаженнаго Нестора — отсѣчь мечемъ его святую главу.

Царь вскорѣ узналъ, что св. Димитрій благословилъ блаженнаго Нестора на борьбу съ великаномъ. Онъ повелѣлъ пронзить копьями св. Димитрія. Когда вошли въ темницу къ святому Димитрію воины царскіе, воинъ Христовъ въ это время стоялъ на молитвѣ. Они мгновенно пронзили его копьями и душу его святую

принялъ Господь въ руки Свои. Тѣло же его ночью взяли христіане и погребли. Когда воины пронзили копьями мученика Христова, тутъ же былъ его вѣрный рабъ —Луппъ. Онъ взялъ одежду господина своего, омоченную его святою кровью. Перстень его онъ тоже смочилъ кровью и унесъ эту драгоцѣнность домой. Впослѣдствіи многіе больные прикасались къ одеждѣ и къ перстню, и тотчасъ же выздоравливали. Слухъ объ этихъ чудесахъ разнесся по всему городу, и стекались во множествѣ больные къ рабу Луппу, чтобы онъ далъ прикоснуться къ святынямъ. Царь Максиміанъ вскорѣ узналъ объ этомъ. Онъ повелѣлъ отсѣчь главу и блаженному Луппу. Вслѣдъ за своимъ господиномъ и вѣрный рабъ его отошелъ ко Господу.

Прошло немало времеми. Кончились гоненія на христіанъ. Надъ гробомъ Димитрія создали небольшой храмъ, въ которомъ совершались многія чудеса и многія больные получали исцѣленіе.

Изъ страны Иллиріи однажды пріѣхалъ въ этотъ храмъ тяжело больной, знатный вельможа, по имени Леонтій. Врачи нашли его болѣзнь неизлечимою. Когда его принесли въ храмъ, подъ которымъ въ землѣ лежали мощи св. Димитрія — онъ тотчасъ же всталъ и началъ прославлять Господа. Въ благодарность святому онъ захотѣлъ выстроить ему большой прекрасный храмъ на мѣстѣ маленькой церкви. Когда копали землю при постройкѣ новаго храма, то открыли мощи святаго великомученика. Они были цѣлы, нетлѣнны, и изъ нихъ потекло благовонное муро. Весь городъ наполнился благоуханіемъ. Собралось множество народа, и съ торжествомъ вынули изъ земли мощи угодника Божія. Больные помазывались муромъ и получали исцѣленія. Леонтій сдѣлалъ ковчегъ для мощей, окованный золотомъ и серебромъ, украшенный драгоцѣнными камнями. Вельможа купилъ имѣнія, виноградники и пожертвовалъ храму. Передъ отъѣздомъ въ свою страну, онъ рѣшилъ взять съ собою часть мощей, чтобы на своей родинѣ создать церковь во имя великомученика Димитрія. Святой, однако, явился ему и запретилъ трогать его мощи. Леонтій взялъ только покрывало, омоченное кровью святого и положилъ его въ золотой ковчегъ. По дорогѣ многія чудеса происходили отъ этой плащаницы. Леонтію надо было проходить черезъ бурную волнующуюся рѣку. Онъ испугался и смутился. Къ нему явился великомученикъ и сказалъ: «Возьми ковчегъ съ плащаницею въ свои руки и не бойся». Вельможа исполнилъ совѣтъ святого и свободно и легко перешелъ бурную рѣку. На родинѣ онъ выстроилъ прекрасную церковь въ честь св. Димитрія, гдѣ совершались многія чудеса молитвами св. Великомученика Димитрія.

Однажды въ городѣ Солуни наступилъ голодъ. Множество народа умирало. Святому жаль было народъ свой. Чтобы помочь

голодающимъ, онъ являлся многимъ морякамъ, плывущимъ по морю и везущимъ пшеницу. Онъ повелѣлъ имъ направить путь въ городъ Солунь, чтобы избавить голодающихъ отъ смерти.

Когда благочестивый царь Іустиніанъ выстроилъ въ Царьградѣ прекрасную церковь, то послалъ пословъ въ городъ Солунь, чтобы они привезли для новой церкви часть мощей св. великомученика Димитрія. Но только что посланные дерзнули прикоснуться къ святымъ мощамъ, какъ изъ ковчега вышелъ огонь, пламенныя искры разлетались во всѣ стороны. Изъ огня послышался грозный голосъ: «Стойте, не смѣйте!» Посланные отъ страха упали на землю и, конечно, не посмѣли взять часть мощей. Вернувшись къ царю, они ему повѣдали о случившемся чудѣ.

Одному юношѣ по имени Онисифору было поручено въ церкви св. великомученика Димитрія зажигать свѣчи и лампады. Онисифоръ оказался нечестнымъ юношей: онъ сталъ красть свѣчи, которыя онъ долженъ былъ зажигать передъ мощами св. угодника. Онъ продавалъ эти свѣчи и покупалъ на эти деньги то, что ему нравилось. Святой явился во снѣ Онисифору. Онъ приказалъ ему, чтобы онъ покаялся и не смѣлъ больше красть свѣчей. Онисифоръ проснулся. Ему стало очень стыдно, что онъ обманывалъ великомученика. Но легкомысленный юноша скоро забылъ повелѣніе святого и опять началъ красть свѣчи. Однажды, одинъ благочестивый человѣкъ, вставъ рано, поспѣшилъ въ церковь къ св. великомученику. Онъ принесъ большія свѣчи, зажегъ ихъ передъ мощами угодника Божія и ушелъ. Онисифоръ решилъ украсть эти свѣчи. Онъ подошелъ къ мощамъ и уже протянулъ руку, чтобы ихъ взять, какъ изъ гроба святого послышался грозный голосъ: «Опять ты дѣлаешь то же самое!» Онисифоръ отъ страха упалъ на землю точно мертвый, пораженный громомъ. Такъ онъ лежалъ, пока не пришелъ церковный служитель и не поднялъ его. Онисифоръ отъ ужаса долго не приходилъ въ себя. Когда онъ очнулся, то повѣдалъ, какъ его устрашилъ святой за его кражу. Юноша покаялся и со многими слезами просилъ прощенія у Господа и Его святого за великій грѣхъ свой.

Много разъ св. великомученикъ избавлялъ городъ отъ нападенія варваровъ. Однажды, непріятели со всѣхъ сторонъ напали на Солунь. Въ это время жилъ въ городѣ одинъ богобоязненный человѣкъ по имени Иллюстрій. Онъ ночью подошелъ къ церкви св. великомученика Димитрія и въ притворѣ сталъ прилежно молиться Богу и св. великомученику Димитрію о защитѣ города отъ враговъ. Вдругъ онъ увидѣлъ двухъ пресвѣтлыхъ юношей, подходящихъ къ церкви — то были Божьи Ангелы. Сначала Иллюстрій подумалъ, что это царскіе слуги. Велико было его удивленіе, когда двери церковныя сами собой распахнулись передъ свѣтлыми юно-

шами, и они вошли въ церковь. Иллюстрій тихо направился вслѣдъ за ними. Вошедшіе громко спросили: «Гдѣ господинъ, здѣсь живущій?» Появился юноша-слуга и спросилъ: «Зачѣмъ вы хотите моего господина?» Юноши отвѣтили: «Господь послалъ насъ къ нему». Слуга указалъ на гробъ великомученика и отвѣтилъ: «Онъ здѣсь», — «Доложи ему о насъ», — напросили пресвѣтлые юноши. Слуга отодвинулъ завѣсу отъ гроба.

Навстрѣчу Ангеламъ вышелъ св. Димитрій — такой, какимъ онъ былъ написанъ на иконѣ, сіяющій, словно Божье солнце. Иллюстрій не могъ взглянуть на него. Онъ трепеталъ отъ страха, видя все происходящее. Ангелы радостно привѣтствовали св. великомученика. «Благодать вамъ, зачѣмъ вы посѣтили меня?» — такъ же радостно спросилъ сіяющій святой. Ангелы отвѣтили: «Владыка насъ послалъ къ твоей святости. Онъ повелѣваетъ тебѣ оставить городъ и идти къ Нему, т. к. Господь хочетъ городъ предать врагамъ». Услышавъ эту вѣсть святой въ печали склонилъ голову и заплакалъ. Слуга же сказалъ: «Если бы я зналъ, что вы принесете такую печальную вѣсть, то я бы не доложилъ моему господину о вашемъ приходѣ». «Братья мои — со слезами сталъ молить Ангеловъ св. великомученикъ, братья мои, идите къ Владыкѣ моему и попросите человѣколюбиваго Бога, пролившаго Кровь Свою пресвятую, чтобы пощадилъ Онъ городъ... Господь поставилъ меня стражемъ этого города. Если люди мои погибнутъ — пусть и я вмѣстѣ съ ними погибну». Такъ сказалъ св. великомученикъ, потомъ направился къ ковчегу и скрылся въ немъ. Ангелы же стали невидимы. Видѣніе кончилось. Иллюстрій палъ на землю и сталъ благодарить великомученика за его заботы о городѣ. Утромъ онъ разсказалъ людямъ о своемъ ночномъ видѣніи, и весь народъ сталъ молить Бога и св. великомученика Димитрія о спасеніи ихъ города. Вскорѣ враги отошли отъ городскихъ стѣнъ; они не смогли взять города, хранимаго великимъ угодникомъ Божіимъ. Такъ защитилъ святой свой родной городъ.

Однажды, напали варвары на окрестности города Солуни и взяли въ плѣнъ многихъ людей. Среди плѣнныхъ оказались двѣ красивыхъ дѣвушки. Варвары отвели ихъ въ свою землю и подарили своему князю. Дѣвушки умѣли искусно вышивать на пяльцахъ прекрасные цвѣты, деревья, звѣрей и человѣческія лица. Князь узналъ объ ихъ искусствѣ и сказалъ имъ: «Я слышалъ, что у васъ на родинѣ есть великій богъ Димитрій, который творитъ великія чудеса. Вышейте мнѣ его изображеніе, чтобы я могъ поклониться ему». Дѣвушки отвѣтили князю: «Димитрій не Богъ, но великій Божій слуга и помощникъ христіанъ. Мы не смѣемъ его вышивать, т. к. боимся, что ты надругаешься надъ изображеніемъ святаго». Князь же отвѣтилъ имъ: «Въ моихъ рукахъ

ваша жизнь и смерть, выбирайте что хотите, или исполнить вамъ повелѣнное, или васъ тотчасъ же велю казнить». Дѣвушки испугались смерти и начали вышивать образъ св. великомученика. Наступилъ день его памяти, т.е. 26-е октября. Цѣлую ночь сидѣли дѣвушки за вышиваніемъ. Со слезами стали они молить святого, чтобы онъ не прогнѣвался на нихъ за то, что они вышиваютъ его образъ на поруганіе из-за страха смерти. Такъ, плача надъ образомъ, дѣвушки заснули. Св. Димитрій видѣлъ ихъ слезы, слышалъ ихъ молитву и сжалился надъ ними. Онъ взялъ дѣвушекъ, вмѣстѣ съ образомъ, и перенесъ въ родной городъ Солунь, въ ночь на свой праздникъ, и поставилъ ихъ въ церкви во время всенощной возлѣ ковчега съ его мощами. Народъ, увидѣвъ это чудо — ужаснулся. Дѣвы проснулись и воскликнули «Слава Богу! Гдѣ мы?» Онѣ сначала подумали, что видятъ сонъ. Узнавъ, что онѣ въ родномъ городѣ, въ церкви св. великомученика, около его мощей, онѣ поняли, что великій святой сотворилъ чудо надъ ними. Дѣвушки громко стали благодарить святого. Солуняне, узнавъ о чудѣ, особенно радостно встрѣтили праздникъ св. великомученика. Его вышитый образъ они поставили надъ алтаремъ и многія чудеса происходили отъ этого образа во славу Бога въ Троицѣ Единого. Ему же честь и благодареніе и поклоненіе отъ всей твари да будетъ во вѣки. Аминь.

М. В.

УЧИЛИЩЕ БЛАГОЧЕСТІЯ

Приснопамятнаго епископа Игнатія Брянчанинова.

ВОСЕМЬ ГЛАВНЫХЪ СТРАСТЕЙ СЪ ИХЪ ПОДРАЗДѢЛЕНІЯМИ И ОТРАСЛЯМИ *).

1. Чревообъяденіе.

Объяденіе, пьянство, нехраненіе и разрѣшеніе постовъ, тайноядение, лакомство, вообще нарушеніе воздержанія. Неправильное и излишнее любленіе плоти, ея живота и покоя, изъ чего составляется самолюбіе, отъ котораго нехраненіе вѣрности къ Богу, Церкви, добродѣтели и людямъ.

2. Любодѣяніе.

Блудное разженіе, блудныя ощущенія и пожеланіе тѣла, блудныя ощущеніе и пожеланіе души и сердца (скоктаніе), принятіе нечистыхъ помысловъ, бесѣда съ ними, услажденіе ими, соизволеніе имъ, медленіе въ нихъ. Блудныя мечтанія и плѣненія. Оскверненіе истицаніемъ. Нехраненіе чувствъ, въ особенности осязанія, въ чемъ дерзость, погубляющая всѣ добродѣтели. Сквернословіе и чтеніе сладострастныхъ книгъ. Грѣхи блудные естественные: блудъ и прелюбодѣяніе. Грѣхи блудные противуестественные: малакія, мужеложство, скотоложство и имъ подобные.

3. Сребролюбіе.

Любленіе денегъ, вообще любленіе имущества движимаго и недвижимаго. Желаніе обогатиться. Размышленіе о средствахъ къ обогащенію. Мечтаніе богатства. Опасеніе старости, нечаянной нищеты, болѣзненности, изгнанія. Скупость. Корыстолюбіе. Невѣріе Богу, неупованіе на Его промыслъ. Пристрастія или болѣзненная излишняя любовь къ разнымъ тлѣннымъ предметамъ, лишающая душу свободы. Увлеченіе суетными попеченіями. Любленіе подарковъ. Присвоеніе чужаго. Лихва. Жестокосердіе къ нищей братіи и ко всѣмъ нуждающимся. Воровство. Разбой.

4. Гнѣвъ.

Вспыльчивость, пріятіе гнѣвныхъ помысловъ; мечтаніе гнѣва и отмщенія, возмущеніе сердца яростію, помраченіе ею ума: непристойный крикъ, споръ, бранныя, жесткія и колкія слова, удареніе, толканіе, убійство. Памятозлобіе, ненависть, вражда, мщеніе, оклеветаніе, осужденіе, возмущеніе и обида ближняго.

*) Заимствовано изъ святыхъ отеческихъ писаній.

5. Печаль.

Огорченіе, тоска, отсѣченіе надежды на Бога, сомнѣніе въ обѣтованіяхъ Божіихъ, неблагодареніе Богу за все случающееся, малодушіе, нетерпѣливость, несамоукореніе, скорбь на ближняго, ропотъ, отреченіе отъ креста, покушеніе сойти съ него.

6. Уныніе.

Лѣность ко всякому доброму дѣлу, въ особенности къ молитвѣ. Оставленіе церковнаго и келейнаго правила. Оставленіе непрестанной молитвы и душеполезнаго чтенія. Невниманіе и поспѣшность въ молитвѣ. Небреженіе. Неблагоговѣніе. Праздность. Излишнее успокоеніе сномъ, лежаніемъ и всякаго рода нѣгою. Перехожденіе съ мѣста на мѣсто. Частые выходы изъ келіи, прогулки и посѣщенія друзей. Празднословіе. Шутки. Кощуны. Оставленіе поклоновъ и прочихъ подвиговъ тѣлесныхъ. Забвеніе грѣховъ своихъ. Забвеніе заповѣдей Христовыхъ. Нерадѣніе. Плѣненіе. Лишеніе страха Божія. Ожесточеніе. Нечувствіе. Отчаяніе.

7. Тщеславіе.

Исканіе славы человѣческой. Хвастовство. Желаніе и исканіе земныхъ почестей. Любленіе красивыхъ одеждъ, экипажей, прислуги и келейныхъ вещей. Вниманіе къ красотѣ своего лица, пріятности голоса, и прочимъ качествамъ тѣла. Расположеніе къ наукамъ и искусствамъ гибнущимъ сего вѣка, исканіе успѣть въ нихъ для пріобрѣтенія временной, земной славы. Стыдъ исповѣдывать грѣхи свои. Скрытіе ихъ предъ людьми и отцемъ духовнымъ. Лукавство. Словооправданіе. Прекословіе. Составленіе своего разума. Лицемѣріе. Ложь. Лесть. Человѣкоугодіе. Зависть. Уничиженіе ближняго. Перемѣнчивость нрава. Притворство. Безсовѣстность. Нравъ и жизнь бѣсовскіе.

8. Гордость.

Презрѣніе ближняго. Предпочтеніе себя всѣмъ. Дерзость. Омраченіе, дебелость ума и сердца. Пригвожденіе ихъ къ земному. Хула. Невѣріе. Прелесть. Лжеименитый разумъ. Непокорность Закону Божію и Церкви. Послѣдованіе своей плотской волѣ. Чтеніе книгъ еретическихъ, развратныхъ и суетныхъ. Неповиновеніе властямъ. Колкое насмѣшничество. Оставленіе христоподражательнаго смиренія и молчанія. Потеря простоты. Потеря любви къ Богу и ближнему. Ложная философія. Ересь. Безбожіе. Невѣжество. Смерть души.

Таковы недуги, таковы язвы, составляющіе собою великую язву, ветхость ветхаго Адама, которая образовалась изъ его паденія. Объ этой великой язвѣ говоритъ святый пророкъ Исаія: **отъ ногъ даже до главы нѣсть въ немъ цѣлости: ни струпъ, ни язва, ни рана палящаяся: нѣсть пластыря приложити, ниже елеа, ниже обязанія** (Исаія

I, 6). Это значитъ, по изъясненію Отцовъ, что язва *) — грѣхъ — не частная, не на одномъ какомъ нибудь членѣ, но на всемъ существѣ: объяла тѣло, объяла душу, овладѣла всѣми свойствами, всѣми силами человѣка. Эту великую язву Богъ назвалъ смертію, когда, воспрещая Адаму и Евѣ вкушеніе отъ древа познанія добра и зла, сказалъ: **воньже аще день снѣсте отъ него, смертію умрете** (Быт. II, 17). Тотчасъ по вкушенію плода запрещеннаго, праотцы почувствовали вѣчную смерть: во взорахъ ихъ явилось ощущеніе плотское; они увидѣли, что они наги. Въ познаніи наготы тѣла отразилось обнаженіе души, потерявшей красоту непорочности, на которой почивалъ Духъ Святый. Дѣйствуетъ въ глазахъ плотское ощущеніе, а въ душѣ стыдъ, въ которомъ совокупленіе всѣхъ грѣховныхъ ощущеній: и гордости, и нечистоты, и печали, и унынія, и отчаянія! Великая язва — смерть душевная; неисправима ветхость, происшедшая послѣ потери Божественнаго подобія! Великую язву Апостолъ называетъ **закономъ грѣховнымъ, тѣломъ смерти** (Рим. VII, 23, 24), потому что умерщвленные умъ и сердце вполнѣ обратились къ землѣ, служатъ раболѣпно тлѣннымъ пожеланіемъ плоти, омрачились, отяготѣли, сами содѣлались плоть. Эта плоть уже неспособна къ общенію съ Богомъ! (Быт. VI, 3). Эта плоть не способна наслѣдовать блаженство вѣчное, небесное! (1 Кор. XV, 50). Великая язва разлилась на весь родъ человѣческій, содѣлалась достояніемъ злосчастнымъ каждаго человѣка.

Разсматривая великую мою язву, взирая на умерщвленіе мое, исполняюсь горькой печали! Недоумѣваю, что мнѣ дѣлать? — Послѣдную ли примѣру ветхаго Адама, который, увидѣвъ наготу свою, спѣшилъ скрыться отъ Бога? Стану-ли, подобно ему, оправдываться, возлагая вину на вины грѣха? Напрасно — скрываться отъ Всевидящаго! напрасно — оправдываться предъ Тѣмъ, **Кто всегда побѣждаетъ, внегда судити Ему** (Пс. L, 6).

Облекусь-же вмѣсто смоковничныхъ листьевъ въ слезы покаянія; вмѣсто оправданія принесу искреннее сознаніе. Облеченный въ покаяніе и слезы, предстану предъ Бога моего. Но гдѣ найду Бога моего? Въ раю ли? Я изгнанъ оттуда, — и херувимъ, стоящій при входѣ, не впуститъ меня! Самою тягостію плоти моей я пригвожденъ къ землѣ, моей темницѣ!

Грѣшный потомокъ Адама, ободрись! Возсіялъ свѣтъ въ темницѣ твоей: Богъ низшелъ въ дольную страну твоего изгнанія, чтобъ возвести тебя въ потерянное тобою твое горнее отечество. Ты хотѣлъ знать добро и зло: Онъ оставляетъ тебѣ это знаніе. Ты хотѣлъ сдѣлаться **яко Богъ,** и отъ этого сдѣлался по душѣ подобнымъ діаволу, по тѣлу подобнымъ скотамъ и звѣрямъ: Богъ, соединяя тебя съ Собою, содѣлываетъ тебя богомъ по благодати.

---

*) Преподобный Авва Дорофей. Поученіе 1-е.

Онъ прощаетъ тебѣ грѣхи. Этого мало! Онъ изъемлетъ корень зла изъ души твоей, самую заразу грѣховную, адъ, ввергнутый въ душу діаволомъ, и даруетъ тебѣ врачевство на весь путь твоей земной жизни, для исцѣленія отъ грѣха, сколько бы разъ ты ни заразился имъ, по немощи твоей. Это врачество — исповѣданіе грѣховъ. Хочешь ли совлечься ветхаго Адама, ты, который святымъ крещеніемъ уже облеченъ въ Новаго Адама, но собственными беззаконіями успѣлъ оживить въ себѣ ветхость и смерть, заглушить жизнь, содѣлать ее полумертвою? Хочешь ли ты, поработившійся грѣху, влекомый къ нему насиліемъ навыка, возвратить себѣ свободу и праведность? — погрузись въ смиреніе! Побѣди тщеславный стыдъ, научающій тебя лицемѣрно и лукаво притворяться праведнымъ, и тѣмъ хранить, укрѣплять въ себѣ смерть душевную. Извергни грѣхъ, вступи во вражду со грѣхомъ искреннею исповѣдію грѣха. Это врачеваніе должно предварять всѣ прочія; безъ него врачеваніе молитвою, слезами, постомъ и всѣми другими средствами будетъ недостаточнымъ, неудовлетворительнымъ, непрочнымъ. Поди, горделивый, къ духовному отцу твоему, — у ногъ его найди милосердіе Отца небеснаго! Одна, одна исповѣдь искренняя и частая можетъ освободить отъ грѣховныхъ навыковъ, содѣлать покаяніе плодоноснымъ, исправленіе прочнымъ и истиннымъ.

Въ краткую минуту умиленія, въ которую открываются очи ума для самопознанія, которая приходитъ такъ рѣдко, написалъ я это въ обличеніе себѣ, въ увѣщаніе, напоминаніе, наставленіе А ты, кто съ вѣрою и любовію о Христѣ прочитаешь эти строки и, можетъ быть, найдешь въ нихъ что нибудь полезное себѣ, принеси сердечный вздохъ и молитву о душѣ, много пострадавшей отъ волнъ грѣховныхъ, видѣвшей часто предъ собою потопленіе и погибель, находившей отдохновеніе въ одномъ пристанищѣ: въ исповѣданіи своихъ грѣхопаденій.

О ДОБРОДѢТЕЛЯХЪ, ПРОТИВОПОЛОЖНЫХЪ ОСЬМИ ГЛАВНЫМЪ ГРѢХОВНЫМЪ СТРАСТЯМЪ.

1. Воздержаніе.

Удержаніе отъ излишняго употребленія пищи и питія, въ особенности отъ употребленія въ излишествѣ вина. Храненіе точное постовъ, установленныхъ Церковію. Обузданіе плоти умѣреннымъ и постоянно одинаковымъ употребленіемъ пищи, отъ чего начинаютъ ослабѣвать вообще всѣ страсти, а въ особенности самолюбіе, которое состоитъ въ безсловесномъ любленіи плоти, живота и покоя ея.

2. Цѣломудріе.

Уклоненіе отъ всякаго рода блудныхъ дѣлъ. Уклоненіе отъ сладострастныхъ бесѣдъ и чтенія, отъ произношенія скверныхъ, сладо-

страстныхъ, двусмысленныхъ словъ. Храненіе чувствъ, особенно зрѣнія и слуха, и еще болѣе осязанія. Скромность. Отверженіе помышленій и мечтаній блудныхъ. Молчаніе. Безмолвіе. Служеніе больнымъ и увѣчнымъ. Воспоминаніе о смерти и адѣ. Начало цѣломудрія — неколеблющійся умъ отъ блудныхъ помысловъ и мечтаній; совершенство цѣломудрія — чистота, зрящая Бога.

3. Нестяжаніе.

Удовлетвореніе себя однимъ необходимымъ. Ненависть къ роскоши и нѣгѣ. Милосердіе къ нищимъ. Любленіе нищеты евангельской. Упованіе на промысль Божій. Послѣдованіе Христовымъ заповѣдямъ. Спокойствіе и свобода духа. Безпопечительность. Мягкость сердца.

4. Кротость.

Уклоненіе отъ гнѣвливыхъ помысловъ и отъ возмущенія сердца яростію. Терпѣніе. Послѣдованіе Христу, призывающему ученика своего на крестъ. Миръ сердечный. Тишина ума. Твердость и мужество христіанскія. Неощущеніе оскорбленій. Незлобіе.

5. Блаженный плачъ.

Ощущеніе паденія, общаго всѣмъ человѣкамъ, и собственной нищеты душевной. Сѣтованіе о нихъ. Плачъ ума. Болѣзненное сокрушеніе сердца. Прозябающія отъ нихъ легкость совѣсти, благодатное утѣшеніе и радованіе. Надежда на милосердіе Божіе. Благодареніе Богу въ скорбяхъ, покорное ихъ переношеніе отъ зрѣнія множества грѣховъ своихъ. Готовность терпѣть. Очищеніе ума. Облегченіе отъ страстей. Умерщвленіе міру. Желаніе молитвы, уединенія, послушанія, смиренія, исповѣданія грѣховъ своихъ.

6. Трезвеніе.

Усердіе ко всякому доброму дѣлу. Нелѣностное исправленіе церковнаго и келейнаго правила. Вниманіе при молитвѣ. Тщательное наблюденіе за всѣми дѣлами, словами и помышленіями своими. Крайняя недовѣрчивость къ себѣ. Непрестанное пребываніе въ молитвѣ и Словѣ Божіемъ. Благоговѣніе. Постоянное бодрствованіе надъ собою. Храненіе себя отъ многаго сна, изнѣженности, празднословія, шутокъ и острыхъ словъ. Любленіе нощныхъ бдѣній, поклоновъ и прочихъ подвиговъ, доставляющихъ бодрость душѣ. Рѣдкое, по возможности, исхожденіе изъ келліи. Воспоминаніе о вѣчныхъ благахъ, желаніе и ожиданіе ихъ.

7. Смиреніе.

Страхъ Божій. Ощущеніе его при молитвѣ. Боязнь, рождающаяся при особенно чистой молитвѣ, когда особенно сильно ощу-

щаются присутствіе и величіе Божіи, чтобъ не исчезнуть и не обратиться въ ничто. Глубокое познаніе своего ничтожества. Измѣненіе взора на ближнихъ, при чемъ они, безъ всякаго принужденія, кажутся такъ смирившемуся, превосходнѣе его по всѣмъ отношеніямъ. Явленіе простодушія отъ живой вѣры. Ненависть къ похвалѣ человѣческой. Постоянное обвиненіе и укореніе себя. Правота и прямота. Безпристрастіе. Мертвость ко всему. Умиленіе. Познаніе таинства, сокровеннаго въ крестѣ Христовомъ. Желаніе распять себя міру и страстямъ, стремленіе къ этому распятію. Отверженіе и забвеніе льстивыхъ обычаевъ и словъ, скромныхъ по принужденію, или умыслу или навыку притворяться. Воспріятіе буйства евангельскаго. Отверженіе премудрости земной, какъ непотребной для неба. Презрѣніе всего, что въ человѣкахъ высоко, и мерзость предъ Богомъ (Лук. XVI, 15). Оставленіе словооправданія. Молчаніе предъ обижающими, изученное въ Евангеліи. Отложеніе всѣхъ собственныхъ умствованій и пріятіе разума евангельскаго. Низложеніе всякаго помысла, взимающагося на разумъ Христовъ. Смиренномудріе, или духовное разсужденіе. Сознательное во всемъ послушаніе Церкви.

8. Любовь.

Измѣненіе во время молитвы страха Божія въ любовь Божію. Вѣрность къ Господу, доказываемая постояннымъ отверженіемъ всякаго грѣховнаго помысла и ощущенія. Несказанное, сладостное влеченіе всего человѣка любовію къ Господу Іисусу Христу и къ поклоняемой Святой Троицѣ. Зрѣніе въ ближнихъ образа Божія и Христа; проистекающее отъ этого духовнаго видѣнія предпочтеніе себѣ всѣхъ ближнихъ и благоговѣйное почитаніе ихъ о Господѣ. Любовь къ ближнимъ братская, чистая, ко всѣмъ равная, безпристрастная, радостная, пламенѣющая одинаково къ друзямъ и врагамъ. Восхищеніе въ молитву и любовь ума, сердца и всего тѣла. Несказанное наслажденіе тѣла радостію духовною. Упоеніе духовное. Разслабленіе тѣлесныхъ членовъ при духовномъ утѣшеніи (Святый Исаакъ Сирскій. Слово 44). Бездѣйствіе тѣлесныхъ чувствъ при молитвѣ. Разрѣшеніе отъ нѣмоты сердечнаго языка. Прекращеніе молитвы отъ духовной сладости. Молчаніе ума. Просвѣщеніе ума и сердца. Молитвенная сила, побѣждающая грѣхъ. Миръ Христовъ. Отступленіе всѣхъ страстей. Поглощеніе всѣхъ разумѣній превосходящимъ разумомъ Христовымъ. Богословіе. Познаніе существъ безтѣлесныхъ. Немощь грѣховныхъ помысловъ, немогущихъ изобразиться въ умѣ. Сладость и обильное утѣшеніе при скорбяхъ. Зрѣніе устроеній человѣческихъ. Глубина смиренія и уничиженнѣйшаго о себѣ мнѣнія...

Конецъ безконеченъ!

ДНЕВНЫЙ АПОСТОЛЪ 1-ГО ФЕВРАЛЯ 1840 ГОДА.

Нѣкоторый инокъ, по неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, вступилъ въ поприще искушеній. Въ день вступленія его въ это поприще, на литургіи, читали 62 зачало 1-го соборнаго посланія Петрова: **Возлюбленніи, не дивитеся еже въ васъ раждеженію ко искушенію вамъ бываемому** и проч. (1 Петр. IV, 12). Особенно поразили инока слова, возглшенныя Апостоломъ: **Время начати судъ отъ дому Божія.** Иноку показалось, что эти слова провозглашены именно для него. При наружномъ дѣйствіи человѣковъ и бѣсовъ, которые суть лишь слѣпыя орудія Божественнаго промысла, совершается таинственный, высшій судъ — судъ Божій (Іов. гл. 1 и 2-я. Преподобнаго Макарія Великаго. Слово 4-е, гл. 7). Если слѣдствіемъ этого суда есть наказаніе: то оно есть слѣдствіе правосудія. Еслижъ слѣдствіемъ правосудія есть наказаніе: то оно есть обличеніе виновности, обличеніе — отъ Бога. Напрасно же считаю себя праведнымъ, несправедливо наказываемымъ, усиливаюсь хитрыми оправданіями, которыя самъ въ совѣсти моей признаю ложью, извинить себя, обвинить людей. Самозванецъ — праведникъ! обрати взоры ума на грѣхи твои, невѣдомые человѣкамъ, вѣдомые Богу: и сознаешься, что суды Божіи праведны, а твое оправданіе — безстыдное лукавство. Съ благоговѣйной покорностію воздай славословіе суду Божію, и оправдай орудія, избранныя Богомъ для твоего наказанія. Миръ Христовъ низойдетъ въ твое сердце. Этимъ миромъ примиримся съ твоими скорбями, — съ самоотверженіемъ предашь волѣ Божіей себя и все. Одно, одно попеченіе останется въ тебѣ: попеченіе о точнѣйшемъ, дѣйствительномъ покаяніи, разрушающемъ вражду между человѣкомъ и Богомъ, усвояющемъ человѣка Богу. Основаніе покаянія — сознаніе, полное сознаніе своей грѣховности.

РАЗМЫШЛЕНІЕ О ВѢРѢ.

Изливаю глаголы сердца моего, тихо волнуемаго радостію нетлѣнною и несказанною. Братія! приникните чистою мыслію въ слова мои, и насладитесь пиромъ духовнымъ! Вѣра во Христа — жизнь. Питающійся вѣрою, вкушаетъ уже во время странствованія земнаго жизнь вѣчную, назначенную праведникамъ по окончаніи этого странствованія. Господь сказалъ: **Вѣруяй въ Мя, имать животъ вѣчный** (Іоанн. VI, 47). Вѣрою угодники Божіи претерпѣли жестокія искушенія: имѣя въ персяхъ богатство и наслажденіе живота вѣчнаго, они вмѣняли ни во что жизнь земную съ ея прелестями. Вѣрою они принимали скорби и страданія, какъ дары отъ Бога, ко-

торыми сподобилъ ихъ Богъ подражать и причащаться Своему пребыванію на земли, когда Онъ благоволилъ единымъ изъ Лицъ Своихъ принять естество наше и совершить наше искупленіе. Наслажденіе безмѣрное, рождаемое вѣрою, поглощаетъ лютость скорби, такъ, что во время страданій ощущается только одно наслажденіе. Засвидѣтельствовалъ это великомученикъ Евстратій въ предсмертной молитвѣ своей, склоняя подъ мечь главу. «Тѣлесная мученія, говорилъ онъ Богу, суть веселія рабомъ Твоимъ!» (Четьи-Минеи. 13 декабря). Вѣрою святые погрузились въ глубину смиренія: они узрѣли чистымъ окомъ вѣры, что жертвы человѣческія Богу — дары Божіи въ человѣкѣ, долги человѣка, ненужные Богу, необходимые, спасительные для человѣка, когда человѣкъ старается приносить, усугублять, уплачивать ихъ. **Услышите, людіе мои,** говоритъ Богъ, **и возглаголю вамъ, Ісраилю, и засвидѣтельствую тебѣ: Богъ, Богъ твой есмь Азъ. Не о жертвахъ твоихъ обличу тя: Моя бо есть вселенная и исполненіе ея** (Пс. XLIX, 7, 8, 12). **Что же имаши егоже нѣси пріялъ? аще же и пріялъ еси, что хвалишися, яко не пріемъ** (1 Кор. IV, 7)? **Всякому емуже дано будетъ много, много взыщется отъ него и емуже предаше множайше, множайше истяжутъ отъ него** (Лук. XII, 48). Божіи святые чудодѣйствовали, воскрешали мертвыхъ, предвозвѣщали будущее, упоены были духовною сладостію, и вмѣстѣ смирялись, трепетали, видя съ недоумѣніемъ, удивленіемъ, страхомъ, что Богъ благоволилъ ущедрить персть, — персти, бренію ввѣрилъ Святаго Духа Своего. О ужасъ! нападаетъ отъ зрѣнія этихъ таинствъ молчаніе на умъ зрящій; объемлетъ сердце несказанная радость; языкъ изнемогаетъ къ повѣданію. Вѣрою вступили святые въ любовь къ врагамъ: око ума, просвѣщенное вѣрою, неуклонно смотритъ на Бога въ промыслѣ Его, и этому Божественному промыслу приписываетъ всѣ внѣшнія наведенія. Такъ Давидъ, зрѣвшій предъ собою **Господа выну,** чтобъ пребывать непоколебимымъ въ мужествѣ при всѣхъ скорбяхъ и попущеніяхъ, усиливающихся поколебать и возмутить сердце (Пс. XV, 8), сказалъ о Семеѣ, когда Семей проклиналъ его, и кидалъ въ него камнями: **Господь рече ему проклинати Давида. Что вамъ и мнѣ, сынове Саруины,** помыслы гнѣва и мщенія! **оставите его, и да проклинаетъ! оставите его проклинати мя, яко рече ему Господь: негли призритъ Господь на смиреніе мое** (Цар. XVI, 10, 11, 12). Душа пріемлетъ искушенія, какъ врачеванія своихъ недуговъ, благодаритъ Врача — Бога, и поетъ: **Накажи мя, Господи, и испытай мя, разжзи утробы моя ,и сердце мое** (Пс. XXV, 2). При такомъ разсматриваніи искушенія, люди и прочія орудія искушеній остаются въ сторонѣ, какъ орудія. Нѣтъ на нихъ злобы, нѣтъ вражды! Душа славословящая Создателя, благодарящая Врача Небеснаго, въ упоеніи несказанными чувствами, начинаетъ благословлять орудія своего врачеванія (Преподобный Макарій Великій. Бесѣда XXXVII, гл. 2 и 4). И вотъ! вне-

запно возгорается въ ней любовь къ врагамъ; человѣкъ бываетъ готовъ положить душу за врага своего, — видитъ въ этомъ не жертву, но долгъ, долгъ непремѣнный раба неключимаго. Отселѣ небо намъ отверзто, — входимъ въ любовь къ ближнимъ, ею въ любовь къ Богу, бываемъ въ Богѣ, и Богъ бываетъ въ насъ. Вотъ какія сокровища заключаетъ въ себѣ вѣра, — ходатай и податель надежды и любви. Аминь.

САДЪ ВО ВРЕМЯ ЗИМЫ.

Въ 1829-мъ году проводилъ я зиму въ Площанской пустынѣ *). И понынѣ тамъ, въ саду, стоитъ уединеннная, деревянная келлія, въ которой я жилъ съ моимъ товарищемъ. Въ тихую погоду, въ солнечные ясные дни, выходилъ я на крыльцо, садился на скамейку, смотрѣлъ на обширный садъ. Нагота его покрывалась снѣжнымъ покрываломъ; кругомъ все — тихо, какой-то мертвый и величественный покой. Это зрѣлище начало мнѣ нравиться: задумчивые взоры невольно устремлялись, приковывались къ нему, какъ-бы высматривая въ немъ тайну.

Однажды сидѣлъ я, и глядѣлъ пристально на садъ. Внезапно упала завѣса съ очей души моей: предъ ними открылась книга природы. Эта книга, данная для чтенія первозданному Адаму, книга содержащая въ себѣ слова Духа, подобно Божественному Писанію. Какое-же ученіе прочиталъ я въ саду? — Ученіе о воскресеніи мертмыхъ, ученіе сильное, ученіе изображеніемъ дѣйствія, подобнаго воскресенію. Еслибъ мы не привыкли видѣть оживленіе природы весною, то оно показалось бы намъ вполнѣ чудеснымъ, невѣроятнымъ. Не удивляемся отъ привычки; видя чудо, уже какъ бы не видимъ его! Гляжу на обнаженные сучья деревъ, и они съ убѣдительностію говорятъ мнѣ своимъ таинственнымъ языкомъ: «мы оживемъ, покроемся листьями, заблагоухаемъ, украсимся цвѣтами и плодами: неужели же не оживутъ сухія кости человѣческія во время весны своей?»

Онѣ оживутъ, облекутся плотію; въ новомъ видѣ вступятъ въ новую жизнь и въ новый міръ. Какъ древа, невыдержавшія лютости мороза, утратившія сокъ жизненный, при наступленіи весны посѣкаются, выносятся изъ сада для топлива: такъ и грѣшники, утратившіе жизнь свою — Бога, будутъ собраны въ послѣдній день этого вѣка, въ начаткѣ будущаго вѣчнаго дня, и ввергнуты въ огнь неугасающій.

---

*) Этотъ общежительный монастырь находится въ Орловской епархіи, между городами Сѣвскомъ и Дмитровскомъ, въ 40 верстахъ отъ каждаго.

Еслибъ можно было найти человѣка, который бы не зналъ превращеній, производимыхъ перемѣнами временъ года; еслибъ привести этого страника въ садъ, величественно покоющійся во время зимы сномъ смертнымъ, показать ему обнаженныя древа, и повѣдать о той роскоши, въ которую они облекутся весною: то онъ, вмѣсто отвѣта, посмотрѣлъ бы на васъ, и улыбнулся — такою несбыточною баснею показались бы ему слова ваши! Такъ и воскресеніе мертвыхъ кажется невѣроятнымъ для мудрецовъ, блуждающихъ во мракѣ земной мудрости, непознавшихъ, что Богъ всемогущъ, что многообразная премудрость Его можетъ быть созерцаема, но не постигаема умомъ созданій. Богу все возможно: чудесъ нѣтъ для Него. Слабо помышленіе человѣка: чего мы не привыкли видѣть, то представляется намъ дѣломъ несбыточнымъ, чудомъ невѣроятнымъ. Дѣла Божіи, на которыя постоянно и уже равнодушно смотримъ, — дѣла дивныя, чудеса великія, непостижимыя.

И ежегодно повторяетъ природа предъ глазами всего человѣчества ученіе о воскресеніи мертвыхъ, живописуя его преобразовательнымъ, таинственнымъ дѣйствіемъ!